

№ 21 ГОСТИНЫЙ
ДВОР

*Мистика реальности • Археология «слова» и «чёрная»
Крым, Россия, Украина*

- ПРОЗА
И ПОЭЗИЯ
- 6 Светлана СЫРНЕВА. **Оренбургская степь.** Стихи
10 Николай КОРСУНОВ. **Лобное место.** Роман. *Продолжение*
64 Варвара ЗАБЛИЩКАЯ. **Молодое солнце.** Стихи
150 Антонина ЮДИНА. **Простые мечты.** Стихи
175 **СТИХИ ПО КРУГУ:** Александр ГРАНКИН, Елизавета АЛПАТОВА, Александр БАРСАЕВ, Михаил КИЛЬДЯШОВ, Виктория КОЛОСОК, Оксана ИППОЛИТОВА, Алексей МЕЛЬНИКОВ, Люция МУРАТШИНА, Яна СТЕПАНЧЕНКО, Анна РОГАЧЁВА, Анна СОЛОДКИНА, Дмитрий ТАГАНОВ, Дарья ТИШАКОВА, Светлана ФИЛАТОВА, Александр ТРОФИМОВ
193 Вячеслав ЧЕРНОВ. **Детство. Штрихи жизни**
209 Сергей КУРУШКИН. **Письмо товарищу Сталину.** Стихи
212 Александр ГВОЗДЕНКО. **Французенка.** Рассказ
222 Галина ЛУНЬКОВА. **Запомни, зеркало...** Стихи. *Предисловие Т. Пащенко*
257 **СТИХИ ПО КРУГУ** (поэты Бутуруслана): Вера ЗАЙЦЕВА, Александр БОРИСОВ, Раиса КАЛЯКИНА, Лидия САЛМИНА, Александр СИДОРОВ, Елена СОКОЛОВА, Галина СОКУРОВА, Александр СУТЕР, Андрей ТВОРОГОВ, Лидия ФИРСОВА, Александр ШИПЕРОВ
280 Вениамин ПОБЕЖИМОВ. **Это время не для нас.** Стихи
- ВРЕМЯ
ДЕЙСТВИЯ
- 68 Александр СТАРЫХ. **Без слова не будет России**
74 Пётр КРАСНОВ. **Русский язык – язык великой русской литературы.** Выступление на XII Международной писательской встрече в Ясной Поляне (2007 г., сентябрь)
225 Владимир ДЕСЯТНИКОВ. **Гражданин Отечества**
326 Евгения ЛЫЛОВА. **«Чёрная» археология. Проблемы региональные и общероссийские**
- ОРЕНБУРГСКАЯ
ДИАСПОРА
- 78 Валентина ТЕЛЕГИНА. **Не боли, душа, довольно!** Стихи
98 Ирина МОРГАЧЁВА. **Один на один.** Стихи
- КАЗАЧЬЯ
ЛИНИЯ
- 83 Александр КУРЛАПОВ. **Народ или сословие?** Несколько слов о проблеме этничности уральских казаков

- НАСЛЕДИЕ
- 133 Николай АДАМОВ. **Зелёная луна.** Стихи
285 Евгений КУРДАКОВ. **Ангел, бабочка, цветок...** Дневники 1997-2002 годов. *Продолжение*
- КУЛЬТУРНЫЙ
СЛОЙ
- 90 А. Г. ПРОКОФЬЕВА, В. Ю. ПРОКОФЬЕВА. **Литературное Оренбуржье. Век восемнадцатый**
137 Ольга СКИБИНА. **«Вы смотрите жизни прямо в глаза...»** Письма В. Л. Кизна-Дедлова А. П. Чехову
154 Мария РЯБЦЕВА. **Профессия: актёр провинциального театра. Век девятнадцатый**
352 Валентина СОКОЛОВА. **Его величество момент. О творчестве оренбургского фотографа Владимира Соколова**
- НАША
ГОСТИНАЯ
- 102 **«Берега Тавриды» и море жизни.** Владислав БАХРЕВСКИЙ
105 Анатолий ДОМБРОВСКИЙ. **Подстрекатели**
109 **СТИХИ ПО КРУГУ** (поэты – авторы крымского журнала «Берега Тавриды»): Леонид АНДРЕЕВ, Вадим БЕЛОВ, Семён БУЛАТКИН, Евгений ГОЛОДНОВ, Юрий ПЛОСКОВ, Сергей САВВИК, Николай ТАРАСЕНКО
114 Марк АГАТОВ. **Крым, который потеряла Россия. Субъективные заметки писателя**
123 Геннадий ШАЛЮГИН. **Чехов и Украина**
- В ЗЕРКАЛЕ
ИСТОРИИ
- 163 Татьяна СУДОРГИНА. **«В виду принятого принципиального решения...»**
185 Майя ПОЛЯКОВА. **«Прилежанием подобный Рычкову...»** К биографии Александра Ефимовича Алекторова (по материалам оренбургской периодики конца XIX века)
314 Елена АКСЁНОВА. **Аркаим. Мистика реальности.** Заметки туриста, побывавшего на родине пророка Заратуштры
333 Юрий КАРАСЕВИЧ. **Телевидение: жизнь врасплох**
- ВСЕ МУЗЕИ
ОРЕНБУРЖЬЯ
- 265 Валентина ГОЛОВИНА. **За бортом.** О музее в селе Аниховка и его создателя
- ПО СЛЕДАМ
ЛИТЕРАТУРНЫХ
КОНКУРСОВ
- 277 Семён ТИМОШЕНКО. **Автограф**

Мария РЯБЦЕВА

ПРОФЕССИЯ: АКТЁР ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА

Век девятнадцатый

Мария Николаевна Рябцева родилась в станице Новомышастовской Краснодарского края. В 1993 г. приехала в Оренбург, поступила в Оренбургский педагогический институт на филологический факультет. Работает в Оренбургском драматическом театре им. Горького: с 1998 г. заведующей театральным музеем, с 2006-го – исполняющей обязанности помощника художественного руководителя театра по литературной части

– Почему вчера не были на репетиции?
– Не в чем было прийти. Сапоги разорвались совсем. Кое-как сама починила...

Диалог режиссёра и актрисы провинциального театра, дошедший до нас из позапрошлого столетия

НЕ ИЗ ОДНОГО КУСКА ХЛЕБА...

Из воспоминаний актёра провинциального театра XIX века Владимира Кригера:

«Много было смеха сквозь слёзы. Мою меховую шапку съела моль, новую купить не на что. Загримировал я эти плешины синим и белым гримировальными карандашами, да так и проходил весь сезон. Вместо шарфа – на шею полосатое татарское полотенце. А на руках обязательно перчатки! Артист Скабеев продал всё и ходил в трико, гоголевском сюртуке, на который был накинута испанский плащ. Героиня Запольева ходила на репетиции в разной обуви: на одной ноге – валенок, на другой – галоша. У нас на всех было две пары ботинок. Мы по очереди надевали их, выходя на сцену. Если же сразу всем надо было быть на сцене, то в таких случаях надевали чёрные тряпичные туфли, очень искусно сшитые нашей костюмершей. Воротнички делались из белой писчей бумаги...»¹

Пожалуй, это типичная ситуация времен театрального «застоя» (1870-1880 годы), когда при отсутствии кассовых сборов актёры провинциальной антрепризы влачили жалкое существование. И уж если не разбредались (за полным отсутствием средств) по другим театрам, то оставались и, как могли, поддерживали друг друга. Да и местные

А. Г. Аяров, режиссёр оренбургского театра (начало XX в.)

писное смешение противоположных величин, куда шли и шуты, и умудрённые опытом философы, и люди лёгкой нравственности, и шли, как в монастырь, порывая с родством»².

Среди оренбургских актёров были и шуты, и философы, и люди, просто «бежавшие от всякого серьёзного дела», но были и подлинны таланты, «способные создать художественно полноценные образы и спектакли». Тогда играли на сцене признанные артисты: Брянская, Ленская, Воробец-Сперанский, Стрельская, Муравьёва. Публика чувствовала талант и поддерживала любившихся артистов.

В 1882 году в Оренбурге пребывала труппа Николая Соломоновича Вехтера³. Едва начался театральный сезон, местный рецензент отметил:

жители, любители театра, старались как-то помочь этим «чуждым людям». В 1876 году в Оренбурге была открыта подписка на пособие «погоревшим» – так горожане пытались поддержать артистов в неудачное для театра время.

Известный театральный критик прошлого столетия Леонид Фрадкин назвал провинциальный театр «парадоксом»:

«Актёр, уходивший на сцену, рисковал всем. Он бросал всё, что имел, и взамен решительно ничего не получал. Вместе с тем театр должен был заменить политическую трибуну, прессу, это была единственная отдушина, единственное место, в котором бился пульс общественной жизни.

Различные люди шли в театр. Театр представлял собою амальгаму, живо-

Актриса Е. Н. Бельская, в разные годы второй половины XIX в. служившая на оренбургской сцене

**А. Я. Брянская, актриса
оренбургского театра
(конец XIX – начало XX в.)**

дополнительный рубль: бенефисную надбавку. Вдобавок в антракте преданные поклонники собирали по подписке среди публики деньги – на подарок своему любимцу.

Такие сборы очень поддерживали артистов. Хотя, надо сказать, и тут случались разного рода инциденты.

В 1883 году на страницах «Оренбургского листка» обсуждалось бенефисное подношение антрепренёру Платону Иннокентьевичу Казанцеву⁵, представлявшее собой венок «из сомнительной зелени» и шестидесяти рублей ассигнациями. И корреспондент «Листка», и антрепренёр почему-то расценили этот венок как оскорбление, припомнив, что накануне прошёл

**Н. С. Вехтер, актёр и антрепренёр
оренбургского театра
в 1880-1883 и 1886-1889 гг.**

Фотогр. И. Панина *Вехтера* в Москве.

«Сезон театральный можно считать установившимся. Из актёров – кто хотел бежать, тот бежал^{*}, а кто имеет наклонность к интригам, лени, капризам и т. п. качествам, тот уже успел обнаружиться. Обозначились и труженики, служащие искусству не из-за одного куска хлеба или дешёвых лавров, а из сердечной любви к делу, которому себя посвятили»⁴.

«ИЗЪЯВЛЕНИЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ ГОСПОДАМ АРТИСТАМ...»

В XIX веке часты были бенефисные спектакли, когда весь сбор от спектакля шёл в пользу одного актёра-бенефицианта^{**}. В эти дни зрители, приходя в театр, платили за билет

^{*}В то время «сбежала» в Казань г-жа Лопухина, «корчившая из себя русскую провинциальную Сару Бернар». *Авт.*

^{**}Бенефис – привилегия почтенных и ярких артистов труппы. Условия бенефиса оговаривались при подписании контракта в начале сезона. Бенефициант сам выбирал пьесу для постановки – исходя из того, есть ли в ней роль, в которой он мог бы блеснуть

Дяголенко
ПРЕМИА. И. ФИШЕРС
МОСКВА
КУЗНЕЦКИЙ МОСТЪ №11

бенефис клоуна местного цирка, и ему была поднесена почти такая же сумма денег... На утро Казанцев через газету внёс шестьдесят рублей в пользу детского приюта св. Ольги.

В следующем номере той же газеты было опубликовано письмо от хивинского подданного известного театрального мецената Абдуллы Арасланова, бывшего в тот бенефисный вечер инициатором подписки среди зрителей на подарок «талантливому и уважаемому артисту Казанцеву» (как и многим другим, кстати). Арасланов был в недоумении: венок был куплен один из лучших, а шестьдесят рублей – именно столько удалось собрать денег среди зрителей. «Право же, – сетовал он, – не так груба и первобытна оренбургская публика в выражениях своих чувств к любимцам артистам, как думает хроникёр. Во всяком случае, отношение г. Казанцева к подарку невольно заставляет и публику

**А. П. Грубин, антрепренёр
оренбургского театра (1897-1900)**

Антрепренёр А. А. Рассказов

быть недоумевающей в выборе средств изъявления признательности господам артистам»⁶.

Был в Оренбурге и такой случай: бенефис артистки Рыбчинской (1877 год) не привлёк внимания публики, и билетов было продано крайне мало. Артистка обиделась и на сцену не вышла, её роль играла другая актриса.

А в один из худших по сборам театральных сезонов (1889 год) бенефисные спектакли и вовсе отменялись. Так, например, лишился бенефиса артист Пермяк: билетов в тот день купили всего на три рубля!

«ТАЛАНТ ДОЛЖЕН БЫТЬ ЦЕЛОМУДРЕННО СКРОМЕН И СЕРЬЁЗЕН.»

Но бенефис заключал в себе не один только меркантильный интерес. Это был праздник артиста, который держал экзамен перед публикой, а для

В. Ф. Комиссаржевская в роли

ла полного поощрения, как и вообще весь её репертуар».

Бенефис артистки Козловской (1877 год) собрал полный зал и, вызываемая публикой на бис, она не раз и не два исполняла романс из спектакля. Рецензент замечает с упрёком:

«Правда, от оваций кружится голова. Но это самое не давало артистке дерзостного права петь и петь, петь без конца, пока не изменила память (актриса сбилась и «со стыдом» покинула сцену. – *Авт.*) Требования райка (галёрки. – *Авт.*) в подобных случаях весьма не обязательны, а требования «бис» сыпались только оттуда. Талант должен быть, прежде всего, целомудренно скромн и серьёзен»⁸.

«УКРАШЕНИЕ МЁРТВОЙ СЦЕНЫ»

В начале 1890-х годов оренбургские газеты запестрели сообщениями о го-

себя, наверное, ещё и ещё раз подтверждал выбор профессии, своего жизненного пути.

В «Оренбургском листке» со свойственной тем временам объективностью театральные рецензенты делились своими впечатлениями от прошедших бенефисов.

О бенефисе артиста Мещерского (антреприза Докучаева, 1878 год):

«Однако не достаёт Мещерскому сценической развязности. И одно мешает ему – бессменная почти мрачность характера, которую он придаёт своим типам, – этот так называемый байронизм. *Modus in rebus*, говорит пословица: всё должно быть в меру»⁷.

О бенефисе артистки Зориной (труппа Новикова, 1885 год):

«Обдуманная, опытная, задушевная, во многих местах оригинальная игра г-жи Зориной, которая без сомнения видела игру Сарры Бернар, заслужива-

А. Звездич, режиссёр и актёр в труппе И. Новикова (1896-1897)

Др. Генриха Ибсена.

„КУКОЛЬНЫЙ ДОМЪ“. (НОРА).

д. III.

Гальмеръ. (Н. Д. Красовъ)... постой, ты что хочешь?...

Нора. (В. Ф. Комиссаржевская). Обросить маскардакий постыль.

лодающих крестьянах, неутешительными прогнозами на наступающую зиму и мольбами о пожертвованиях. Стали плохи и сборы в театре (полуголодные артисты выходили на сцену почти даром). Тем не менее, именно в это безрадостное время в печати впервые появились стихи, посвящённые актрисе М. К. М. её страстным поклонником Л. И.:

„В нашем храме Мельпомены

Появился вдруг талант –

Украшение мёртвой сцены,

Самородный бриллиант!»

Актриса М. К. М. (М. К. Мазылевская) не раз поощрялась комплиментами в театральном комментарии «Листка»¹⁰.

«Кроме прекрасной мимики, живости и естественности в игре, эта молодая и симпатичная артистка обладает чистым звонким голосом и изящными манерами. Она всегда знает роли, а сцену-монолог читала недавно даже без суфлёра, будка которого была убрана за кулисы, и исполнила сцену артистически и хорошо*».

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Материальное положение актёров в старом провинциальном театре было чрезвычайно шатким. Когда дела шли плохо и касса пустела, актёры месяцами не получали жалованья.

Бывало и так, что предприимчивый хозяин (антрепренёр), предвидя неизбежный крах начатого дела, скрывался из города, прихватив с собой выручку из театральной кассы, и тогда актёры оказывались просто в отчаянном положении.

Несколько таких происшествий случились и в Оренбурге. В 1874 году не успела ещё труппа Великанова разыграть и проявить свои таланты, как в ноябре месяце антрепренёр бесследно исчез, а с ним две с половиной тысячи рублей, выделенных городом в качестве субсидии на ремонт

*Знание роли всегда ценилось на сцене. В ритме театрального сезона не все держали высокую планку знания текста. Так, подводя итоги сезона 1890-1891 годов, местный рецензент восклицал: «Суфлёр нам так сильно надоел!»

М. И. Писарев в роли

театрального здания. Тогда в спешном порядке в Оренбург был приглашён известный антрепренёр А. А. Рассказов¹¹ (о нём мы писали в предыдущем номере альманаха). В его первый сезон на оренбургской сцене блистали настоящие звёзды провинциальных театров. Именно тогда оренбуржцам посчастливилось видеть Полину Стрепетову* (Катерина в «Грозе» Островского, Лизавета в «Горькой судьбине» Писемского) и Модеста Писарева, её партнёра в этих спектаклях. Два этих таланта властвовали над зрительным залом беспредельно**.

И в следующие театральные сезоны в труппе Рассказова были интересные и талантливые артисты: П. Свободин, М. Барышева-Свободина, Рахимов, Понизовская, Струйская. Но рецензент «Оренбургского листка» в 1877 году отмечал, что «труппа составлена очень неудачно и представляет такую смесь способностей и бездарных личностей (огромное большинство), что об игре наших актёров лучше бы молчать».

Однако в семидесятых годах XIX века артисты, в провинции став звёздами первой величины, в течение одного сезона объезжали несколько городов. Да и сам Оренбург, в ту пору совсем ещё «не театральный» город, не задерживал на своей сцене «перелётных птиц», оставалась лишь память об их «беспокойном и взволнованном творчестве».

Нам неизвестно, насколько успешно закончилось пребывание антрепризы Рассказова в Оренбурге. Но со страниц местного издания мы узнали о существовании в 1877 году «импровизи-

М. И. Писарев, актёр

рованной труппы Свободина, которая составила из остатков труппы Рассказова».

«ШАГ К ЦИВИЛИЗАЦИИ»

К концу XIX столетия в провинции появилась новая форма ведения театрального дела: товарищество. Товарищества существовали на кооперативных началах, и размер вознаграждения зависел от материального состояния дела. В Оренбурге такое товарищество впервые появилось в сезон 1890-1891 годов под руководством известного антрепренёра Ивана Петровича Новикова¹². Он одновременно держал театр не только в

*О пребывании П. Стрепетовой в Оренбурге мы не нашли документального подтверждения в областном архиве и говорим об этом, опираясь на материалы М. Незнамова («Старейший на Урале»)

**О них читай: ГД № 12+1

М. М. Тарханов в роли. Служил на сцене оренбургского театра в 1911 г.

По окончании театрального сезона оставшиеся артисты зачастую *самоорганизовывались* и играли несколько спектаклей, чтобы обеспечить себя деньгами на дорогу. А дорога всегда была неотъемлемой частью актёрской жизни. Ведь, как правило, антрепренёры набирали артистов на один сезон, завершая который в начале Великого поста, они устремлялись в Москву на актёрскую биржу, где вновь устраивали свою судьбу на будущий год.

ВЕЧНО «АВОСЬ» И «АВОСЬ»

Вечные странствия, ночёвки в пути, безденежье и голод сопровождали актёрскую жизнь в XIX веке. Но вместе с тем были и аплодисменты, и слава, и признание публики, и званные обеды, и роскошные наряды, – всё то, благодаря чему легче переносились тяготы неустроенной кочевой жизни.

Оренбурге, но и в Самаре, к тому же в этих театрах работали две труппы: опереточная и драматическая, сменявшие друг друга.

Конечно, товарищества явились шагом к цивилизации, но на практике не оправдали надежд. Строгая зависимость от сборов заставляла артистов потакать публике и чаще играть кассовые, хоть и «пошленькие пьески», нежели «серьёзные драматические произведения». Не тратился и лишний рубль на декорацию.

«В общем, труппа товарищества сносна, – пишет «Оренбургский листок»¹³. – И пьесы слушаются без скуки. К сожалению, сборы из ряда вон плохи. Вся надежда на поправку дела должна быть возложена поэтому на случай и на усердие тружеников сцены. Как ни расшатаны экономические условия оренбургской жизни, а наша публика театр любит и хорошую, умную, усердную игру артистов всегда ценит».

Актёр Эльский в роли

Особо одарённые артисты, много лет работавшие в провинциальных театрах, добивались признания в столицах и становились артистами столичных и императорских театров. Что и произошло со служившими одно время на оренбургской сцене М. Писаревым, П. Стрепетовой, П. Свободным, Н. Вехтером.

Случалось и наоборот: служители Мельпомены покидали императорские сцены и устремлялись в провинцию. Это знакомые Оренбургу А. Рассказов (1875 год), известный трагик М. Иванов-Козельский (1885), В. Андреев-Бурлак (1885) и др. Да и Стрепетова не смогла ужиться на столичной сцене*, в её сердце до конца жизни жила тоска по провинции и провинциальной публике. Однако основная масса актёров и актрис так и скиталась из года в год по разным уголкам нашей страны (в то время и впрямь необъятной).

И последняя цитата из «Оренбургского листка», в которой рецензент признаёт: «Сценическая игра – дело не лёгкое; она требует известной подготовки и труда. И те труженики-артисты, которые и праздник, и будень, и день, и ночь долбят роли и утешают нас, за-

рабатывают хлеб свой далеко не так легко, как может показаться.

Кончился сезон, и артист собирает пожитки: вновь плетись в неизвестно куда и не зная, что ждёт тебя впереди.

Вечно «авось» и «авось»».

*Фотографии
конца XIX – начала XX вв.
из фондов музея им. А. А. Бахрушина
(Москва)*

Примечания

*Кригер В. А. Актёрская громада. М, 1976

*Скарская Н., Лайдебуров П. На сцене и в жизни. М, 1959

³Вехтер (Вехтерштейн) Николай Соломонович – антрепренёр оренбургского театра в 1880-1883 (совместно с Р. А. Крамесом) и 1886-1889 гг.

⁴«Оренбургский листок». 1882, 3 октября

⁵Казанцев Платон Иннокентьевич – антрепренёр оренбургского театра в 1883-18886 гг.

⁶«Оренбургский листок». 1883, 20 ноября

⁷«Оренбургский листок». 1878, 27 октября

⁸«Оренбургский листок». 1877, 27 ноября

⁹«Оренбургский листок». 1891, 22 декабря

¹⁰«Оренбургский листок». 1891, 8 декабря

¹¹Рассказов Александр Андреевич – антрепренёр театра в 1874-1877 гг.

¹²Новиков Иван Петрович – руководитель товарищества артистов в 1889-1896 гг.

¹³«Оренбургский листок». 1891, 8 сентября

**А. М. Коралли-Торцов,
директор труппы
оренбургского театра (1900-1903 гг.)**

*Биограф актрисы отмечал: «Трудно представить себе два понятия более несовместимыми, чем Стрепетова и Александринский театр»

Фото Л. Терентьевой

Татьяна Владимировна Судоргина родилась в селе Октябрьском. Окончила Московский историко-архивный институт. Долгое время работала заведующей отделом информации Государственного архива Оренбургской области, в настоящее время – главный специалист комитета по делам архивов Оренбургской области. Действительный член Пушкинского общества, автор многочисленных публикаций на исторические темы

Татьяна СУДОРГИНА

«В ВИДУ ПРИНЯТОГО ПРИНЦИПИАЛЬНОГО РЕШЕНИЯ...»

Почти сразу после передачи здания бывшего манежа под городской театр местные власти задумались о необходимости строительства для него нового помещения

«ИМЕЮ ЧЕСТЬ ПОКОРНЕЙШЕ ПРОСИТЬ ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО»

Глава Оренбургской губернии Николай Андреевич Крыжановский летом 1869 года писал министру внутренних дел:

«По поводу предположения о передаче каменного манежа в Оренбурге в ведение города для устройства в нём театра Ваше Высокопревосходительство изволили просить моего отзыва о том, на счёт каких именно источников, с принятием сего здания в ведение города, будут удовлетворяемы издержки по устройству и содержанию театра.

Вследствие сего имею честь довести до сведения Вашего, что город Оренбург, находясь на рубеже Европы и составляя пункт, куда съезжаются торговцы всех среднеазиатских ханств, давно уже нуждался в театре в видах усиления влияния на азиатцев русской цивилизации и для удовлетворения потребностям общественной жизни самого города, население которого превышает 35 тысяч душ. Всё это побудило меня предпринять приспособление для помещения театра, находящегося в ведении Оренбургского казачьего войска, здания манежа, на что и употреблено из сумм, состоящих в распоряжении главного начальника края, до 12 тысяч рублей. Об исключении же сего здания из войскового ведомства согласно ходатайству войскового начальства мной сделано представление господину Военному Министру от 2 декабря 1867 года.

В настоящее время, приспособленное под помещение театра здание отапливается и ремон-

тируется антрепренёром театральной труппы, почему передача одного в ведение города не потребует из городской кассы никаких расходов. Общество Оренбурга, отзыв которого по сему предмету был истребован мной, не встретило затруднений к принятию театра в городское ведомство. Находя средства Оренбурга, возросшие до 130 тысяч рублей ежегодно, слишком достаточными для того, чтобы иметь театр, и сознавая настоятельную нужду в этом учреждении здесь более чем во всяком другом губернском городе для удовлетворения быта массы азиатцев, живущих в Оренбурге круглый год, я имею честь покорнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать в благосклонном содействии к разрешению передачи театрального здания в ведение города.

Благоприятное разрешение сего дела тем более важно, что начальник Оренбургского казачьего войска ходатайствует об исключении из войскового ведомства вместе с упомянутым зданием театра находящегося при нём флигеля со службами...

Министр поддержал предложения оренбургского генерал-губернатора.

Затем необходимо было урегулировать проблему «присоединения к зданию части двора, на котором на-

ходится флигель, предназначенный к передаче в ведение Министерства Народного Просвещения». Исправляющий должность губернского инженера Александров, принимая во внимание, что при театре не имеется ретирад, «каковые без некоторой прирезки земли устроить нельзя», признал необходимым «уступить театру пространство училищного двора».

«ГОДИЛСЯ КОГДА-ТО ДЛЯ МАНЕЖНЫХ ЭКЗЕРЦИЙ»

Газета «Оренбургский листок» в 1876 году поместила пространную статью, посвящённую театру. Начинаясь она так:

«Оренбургу при 42 тысячах населения следовало бы иметь хорошую труппу и сцену. Между тем, театральное дело наше хромало постоянно: то антрепренёр сбежит из-за долгов, то артисты, бывало, разбегутся, то город поскупились на субсидии.

Немало мешает развитию театрального дела и обстановка нашего театра. Театр помещается в здании бывшего манежа, сыром и, конечно, мало приспособленном для потребностей сцены. Если каменный ящик, красующийся ныне на Большой улице, длиною в 25 сажен и шириной в 10 сажен (1 сажень = 2,13 м. – Т. С.), годился

когда-то для манежных экзерциций, то отсюда никак не следует, что он будет годен и для театральных представлений. Бедные актёры и актрисы все понастрадались от хронических катаров и ревматизмов, а некоторые получили на сырой и холодной сцене болезни более серьёзные. Нужно полюбить сцену до самоотвержения или же не уметь найти насущного, чтобы выносить грязную, тесную обстановку гардеробных и невыносимо холодную и сырую со сквозняками сцену, как у нас...»

Далее автор статьи подчёркивал, что «в настоящем сезоне театральное антрепренёрство наше, кажется, удалось. И пьесы ставятся сносные, и актёры по большей части люди способные, ведущие дело своё добросовестно, и обстановка на сцене приличная, и публика относится к театру далеко внимательнее, чем прежде. В текущем сезоне город отдал свой театр артисту Императорских театров Александру Андреевичу Рассказову, пять лет содержавшему театр в Самаре. Слухи о личности Рассказова были хорошие, и город, как ни привык он недоверчиво глядеть на антрепренёров, решился выдать не только субсидий тысячу рублей, но и отремонтировать здание театра рублей тысячи на полторы, кроме того, отказался даже от трёхрублёвой поспектакльной платы и отдал антрепренёру буфет. К сожалению, ремонтные работы в театре сделаны, по обычаю, в высшей степени плохо, и антрепренёру приходится на свой счёт обивать двери в театре и производить тому подобные починки...»

Но не всё так безнадежно было в Оренбурге, кое-что и радовало, вселяло оптимизм:

«По обстановке и порядку при исполнении спектаклей, театр наш может считаться на первое время удовлетворительным. В фойе публика уже не простуживается, буфет содержится прилично, освещение и отопление

театра сносные, прислуга вежливая и трезвая; сквозит ещё в театре значительно и в ложах недостаточно мебели, но в этом виноват город, а не антрепренёр. С проведением железной дороги сбор должен увеличиться, есть надежда, что город не поскупились ремонтировать театр свой заново, как учреждение, влияющее на развитие массы, несомненно, благотворно».

И вот так всегда: то, что вчера представлялось достижением, сегодня кажется смешным, убогим, нелепым...

В 1879 году петербургский архитектор академик Реймерс приступил к составлению проекта нового театрального здания в Оренбурге «вместимостью 1500 человек в четыре яруса». Но городской голова Николай Акимович Середа, найдя проект «вполне во всех отношениях соответствующим своему назначению», всё же отклонил его, сославшись на то, что городская казна «по случаю произошедшей в Оренбурге катастрофы» (имеется в виду жесточайший по своим последствиям пожар 1879 года. – Т. С.) уже понесла значительные расходы и «в виду предстоящих ещё больших затрат на устройство, например, водопровода». И как бы ни была желательна «постройка означенного здания», она не может быть осуществлена в близком будущем.

Так пожар уничтожил не только то, что уже было построено, а и то, что могло и должно было быть построено.

«ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БОЛЕЕ ДОПУЩЕНЫ БЫТЬ НЕ МОГУТ»

В 1896 году оренбургский губернатор В. И. Ершов направил в городскую управу копию рапорта губернского инженера о состоянии здания местного театра с резолюцией: «Если не будут исполнены все условия, изложенные в рапорте, то разрешения на открытие театра на будущий сезон не будет».

Комиссия, освидетельствовавшая 16 сентября 1896 года здание городского театра «с целью определить –

возможно ли допустить в зимний сезон представления, высказалась в акте осмотра, что без капитального переустройства и ремонта всего здания театра, устранения керосинового освещения, представления более допущены быть не могут».

Сохранился перечень «безотлагательных работ»: «Деревянные толстые колонны, поддерживающие ярусы, должны быть заменены на чугунные; потолок зрительной залы и дамского фойе во втором этаже заменить новыми; переустроить ватерклозеты; помещение ресторана поднять до высоты второго этажа; нагревательные приборы переложить заново, устроить центральное отопление; стулья и кресла в партере и ложах заменить, устроив при этом вместо среднего прохода в креслах два вдоль лож и один поперечный для большей безопасности находящихся в партере людей; ввести обязательно электрическое освещение во всём здании театра для безопасности публики и города...»

Получив «означенное предложение» губернатора, городская управа поручила своему члену Е. И. Иванову осмотреть здание театра совместно с губернским инженером Гагеном, городским архитектором Графом и полицеймейстером Доброхотовым. Лица эти, осмотрев 21 декабря 1896 года театр, вынесли заключение:

«Поднять стены театра, увеличить их надстройкой на 6 аршин (1 аршин = 71,12 см. – Т. С.) для образования ещё одного яруса лож; высоту лож сделать около 3 и 3/4 аршин; сделать в партере два боковых прохода, а существующий проход заделать, устроив из него ложу; помещение для оркестра опустить настолько, чтобы головы музыкантов не выделялись из-за барьера; существующие дамские и мужские уборные поднять в уровень сцены; устроить центральное отопление; для свободного доступа в театр со всех сторон устроить проезд во всю длину театра; суще-

ствующий для буфета пристрой разобрать и вывести новое здание во всю длину проулка, перекинув через этаж в проулок арку и выстроить новое здание во всю длину проулка...»

Ознакомившись с этим документом, депутаты городской думы постановили:

«Для всестороннего обсуждения вопроса избрать комиссию и поручить ей выработать детальный проект и смету переустройства театрального здания в возможно непродолжительное время».

«ОБЪЯВИТЬ КОНКУРС НА ВОЗВЕДЕНИЕ В ОРЕНБУРГЕ ТЕАТРАЛЬНОГО ЗДАНИЯ»

Первое заседание избранной комиссии состоялось 3 января 1897 года. Принято осторожное, но вполне разумное решение: прежде чем начинать надстройку театрального здания, неплохо бы прежде удостовериться в глубине фундамента.

И правильно. Потому что после осмотра открытого фундамента городской архитектор Граф доложил:

«Глубина заложения фундамента не превосходит одного аршина 12 вершков (1 вершок = 4,45 см. – Т. С.) В виду вышеизложенного следует всякую надстройку театра признать невозможной и недопустимой».

Поэтому на следующем заседании, созванном 11 января 1897 года, комиссия предложила никакого серьёзного ремонта в театре не затевать, а ограничиться лишь самым необходимым: отремонтировать туалеты, устроить два боковых входа, переложить печи, подтянуть провисшую балку в фойе и выправить потолок. Вместе с тем, «принимая во внимание, что в существующем театре представления могут быть допустимы лишь на некоторое число лет, а такому значительному городу, как Оренбург, без театра оставаться никоим образом нежелательно, то комиссия полагала бы нужным вы-

строить новый театр, причём существующее здание театра перестроить под магазины с помещением в том же здании музея и библиотеки».

Городская дума, «вполне разделяя мнение театральной комиссии и городской управы о необходимости возведения в Оренбурге нового театрального здания», постановила: «Поручить городской управе объявить конкурс на возведение в Оренбурге театрального здания стоимостью 100 тысяч рублей», старое же театральное здание отремонтировать, «чтобы оно не угрожало опасностью для посетителей, как в пожарном, так и в других отношениях общественной безопасности», и приспособить его «под торговые помещения и городскую библиотеку с музеем, а новое здание будет возводиться».

«КРЕСЛА ЗРИТЕЛЬНОГО ЗАЛА РЕШЕНО ПРОДАТЬ В ЛОМБАРДЕ»

Приветствуя открытие очередного театрального сезона, один из жителей губернского центра со страниц «Оренбургской газеты» в 1900 году был настроен весьма оптимистически:

«Театр вновь сдан антрепренёру Коралли-Торцову. По предложению оренбургского губернатора в театре производится капитальный ремонт. Особой комиссией было постановлено: две средних стропильных фермы и две в северном конце здания перебрать, с заменой расколовшихся и смятых деревянных брусев новыми, с постановкой надлежащих железных скреплений; произвести капитальный ремонт окон и дверей, причём последние заново обить клеёнкой, улучшить вентиляцию театра, сколотить с заменой новым лесом и окрасить полы, произвести тщательный наружный и внутренний ремонт здания, переместить мебель зрительного зала.

Ассигнованные городской думой деньги на ремонт театра в сумме 1020 рублей оказались недостаточными, и специальная комиссия городской

управы с городским архитектором, назначенная для осмотра театра, выяснила, что ещё нужно на ремонт ассигновать 2138 руб. 23 коп., каковой расход в заседании думы и был утверждён. Все помянутые переделки решено произвести в скорейшем времени, а кресла зрительного зала решено продать в городском ломбарде с аукционного торга, в театр же приобрести кресла новые чугунные, как не требующие частого ремонта. Стулья в театре решено частью приобрести новые, а частью исправить в ремесленном училище. Внешняя постановочная часть обещает быть блестящей. Привезены собственная мебель Коралли-Торцова, аксессуары, передний занавес, лесной павильон и колоннадная зала написаны в Москве известным декоратором Шукиным-Малевичем».

Год спустя та же газета с разочарованием констатировала: «Театральный сезон начался в старом, ветхом, неуклюжем и тесном здании, переделанном из манежа. Между тем в 1897 году городская дума, сдавая театр антрепренёру Булгакову (по сцене Грубину) на три года, постановила непременно выстроить новый театр, а теперешнее здание отремонтировать пока лишь на срок аренды Грубина. Правда, сначала предполагалось произвести надстройку на здании театра, но надстройка эта, помимо дороговизны, оказалась невозможной ещё потому, что фундамент под сценами театра заложен слишком мелко, а в самых стенах много заделанных оконных пролётов, почему стены не могут выдержать тяжести надстройки».

Одним словом, существующий театр невозможно ни расширить, ни улучшить. В виду всего этого антрепренёру Грубину вменялось в обязанность завести безопасное освещение театрального здания горным маслом. Электричество же первоначально предполагалось ввести лишь в новом здании театра».

«СУРМИТСЯ И ПОДМАЛЁВЫВАЕТСЯ, КАК УВЯДШАЯ КРАСАВИЦА!»

Более века назад некий оренбургский театрал возмущался:

«Со времени думского постановления прошло четыре года. В течение этого времени наша театральная комиссия выработала условия конкурса на составление проекта театра, которые и были отправлены в Санкт-Петербургское общество архитекторов. Из этого общества прислано в городскую думу несколько превосходных планов театрального здания. Оставалось только выбрать один из них, найти подходящее место под устройство театра и начать его постройку.

Срок аренды театра Грубиным давно кончился, театр арендуется другим антрепренёром вот уже второй сезон. В театральное здание, вопреки думскому постановлению, проведено электрическое освещение, а само здание сурмится и подмалёвывается, как увядшая красавица. О постройке же нового городского театра мы не слышали ни одного слова, ни даже намёка. Очень жаль.

Никто, конечно, не станет оспаривать, что наш Оренбург заметно растёт и улучшается, в особенности со времени постройки оренбургско-ташкентской железной дороги, благодаря которой в городе значительно прибавилось интеллигенции в лице инженеров, контролёров, бухгалтеров и других должностных лиц, состоящих при управлении постройки. Из них много людей семейных. Недаром же наши тяжёлые на подъём домовладельцы стали поспешно воздвигать новые дома. Словом, наш город растёт и в количественном, и в качественном отношении. Поэтому устройство нового театрального здания более или менее порядочного вызывается прямой необходимостью».

В виде доказательства сделанного вывода следует описание театра:

«Сцена в нём чрезвычайно мала, коридоры у лож узки и тесны, потолки низки, неуклюжие железные печи устроены ужасно плохо. Вентиляции почти никакой. Так называемая «галёрка» прямо невозможна: тесна, узка, низка, темна и грязна. В ней нет даже необходимого клозета, почему публика принуждена бывает выходить зимой раздетой прямо на мороз, на улицу, что чрезвычайно неудобно, в особенности женщинам, девушкам и детям. Поэтому схватить простуду, побывав в театре на галёрке, очень легко. Нам кажется, что приведённых данных совершенно достаточно, чтобы вопрос о постройке нового театрального здания был поднят вновь нашей думой».

В заключение речь идет о выборе места под театр:

«Некоторые предлагают устроить новый театр в Тополёвом саду, для чего пришлось бы вырубить часть этого сада, что вовсе нежелательно. Другие указывают на Александровский сад (ныне Ленинский сквер. – Т. С.), для чего сквер этот пришлось бы также вырубить. Наконец, третьи находят возможным построить театр в южной стороне гостиного двора по Орской улице (ныне ул. Пушкинская. – Т. С.).

Действительно, лучше последнего места нельзя и придумать. С устройством прекрасных двухэтажных магазинов на северной (т. е. по теперешней ул. Кирова. – Т. С.) и восточной (по ул. Советской. – Т. С.) сторонах гостиного двора осталась не занятой одна только неуклюжая длинная жёлтая стена, именно южная, напоминающая собой ограду острога. Как известно, азиатская торговля в нашем городе заметно упала, и гостиный двор занят пока складом хлопка и шерсти, лавки его в большинстве пустыют. Недаром же вовнутрь гостиного двора предполагается перенести часть толкучего рынка. Поэтому южную сторону гостиного двора, начиная с угла, следовало бы занять вместо нынешних лавок здани-

ями будущего театра, биржи и городского общественного банка».

«ЧТОБЫ ДАВАЛ ЗДОРОВУЮ, ЭСТЕТИЧЕСКУЮ ПИЩУ»

Автор книги «Город Оренбург» П. Н. Столпянский в начале XX столетия писал:

«Надо заметить, что городская дума смотрела и смотрит на городской театр с совершенно неправильной точки зрения – главным образом, как на арендную статью. Сумма, получаемая за сдачу театра, является каплей при городском бюджете в 600 тысяч с лишком рублей, и городскому самоуправлению рано или поздно придётся придти к сознанию, что городской театр имеет для города почти такое же значение, как и городское училище, и что город должен сам содержать театр, чтобы последний был достоинством действительно всех граждан и давал здоровую, эстетическую пищу. Но ещё не очень давно в зале думских заседаний при вопросе о сдаче городского театра были слышны производимые то громко, то вполголоса, как бы про себя, слова: «Бесовское наваждение».

Подтверждением финансовых выводов историка являются «Сведения о приходе и расходе по содержанию театра за 10 лет (1898-1908 гг.)», из которых следует, что сумма доходов составила 37 693 рубля 47 копеек, а сумма расходов – 33 426 рублей 80 копеек.

Из доклада, подготовленного хозяйственным отделением оренбургской городской управы в начале 1908 года, следует:

«Пред открытием театрального сезона в 1907 году Оренбургским губернским правлением образована особая комиссия для осмотра здания городского театра с целью определения безопасности его в пожарном и конструктивном отношениях. Осмотр театра произведён 20 сентября 1907 года и о результатах освидетельство-

вания составлен акт с перечислением всех замеченных недостатков и необходимых исправлений. В заключение комиссия высказалась, что спектакли в театре могут быть допущены после устройства всех поименованных в акте исправлений с условием более капитальной перedelки в следующем строительном сезоне.

Интересуясь настоящим делом, оренбургский губернатор (Владимир Фёдорович Ожаровский. – Т. С.), препровождая в управу копию упомянутого акта, предлагает принять все меры к тому, чтобы требования комиссии были выполнены в видах обеспечения публики, посещающей театр, в пожарном и других отношениях. Городской архитектор, которому было поручено управой составить смету на ремонтные работы согласно акту комиссии, сообщил, что по его вычислениям ремонт театра обойдётся до 19 000 рублей».

«ЭТО НЕ ТЕАТР, А ЛОВУШКА...»

Тогда же к городской голове обратился с письмом гласный высшего органа городской власти Иван Тихонович Соколов:

«Не имея, к сожалению, возможности, за отъездом из Оренбурга, лично присутствовать на чрезвычайном заседании городской думы 8 января, покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, при обсуждении на этом заседании вопроса о ремонте городского театра предложить думе следующее моё заявление.

Наш оренбургский театр превращён несколько десятков лет назад из здания, служившего манежем. Как таковое, здание это далеко не храм Мельпомены. Вместимость театра, благодаря приросту населения, не удовлетворяет потребностям. Удобства же театра всем известны, и я не преувеличу, если скажу, что это не театр, а ловушка. Кто в нём чувствует себя спокойно, в безопасности? По крайней мере, лично я всякий раз жду несчастья, которое бу-

дет стоять сотни жертв. Осудят за недосмотр инженеров, по заключению коих время от времени производятся те или другие мелочные исправления, но нравственная ответственность всё-таки останется на городском управлении, которому вручены судьбы города.

Я не новость какую говорю. Все мы и давно осудили удобства театра, а в то же время стремимся туда. Стремимся потому, что нам всем нужно здоровое развлечение и настолько необходимо, что даже не считаемся ни с чем. Нас, например, не останавливает ни состав труппы, не всегда стоящей на высоте положения, ни репертуар, в котором (да простит Бог театральной комиссии) такие «нравственные» пьесы, как «Пробуждение весны» и другие. И ни в скобках сказать, некоторая зависимость от кассы театра, где зачастую к услугам одного всегда найдутся билеты, а для других нет. Но репертуар и распорядки в кассе – поправимое дело, стоит только несколько усилить надзор со стороны тех, «кому ведать надлежит».

Цель моего заявления – радикально изменить существующее положение в отношении самого здания театра. Я

говорю, что поддерживать театр ремонтом – великая несправедливость. Нужно строить новое театральное здание, принявшись, наконец, за это, не откладывая в долгий ящик. Мне ответят, что денег нет. А когда деньги будут? Ранее двадцати-тридцати лет и думать нечего. Я полагаю: на постройку нового театрального здания позаимствовать сто тысяч рублей из городского общественного банка и немедленно избрать строительную комиссию, как для постройки, так и для изыскания, совместно с городской управой, средств на постройку эту – в виде выпуска акций, облигаций, либо займа...»

«ДЛЯ НОВОГО ТЕАТРА ОТВЕСТИ ПЛОЩАДКУ МЕЖДУ АЛЕКСАНДРОВСКИМИ САДАМИ»

В «определении» оренбургской городской думы того времени говорилось: «По прочтении доклада управы заслушано было присланное письмо гласного И. Т. Соколова, в котором он высказывает мысль о бесцельности каких-либо трат по ремонту здания театра и о необходимости постройки нового театра.

Городская дума, соглашаясь с мнением И. Т. Соколова, определила: избрать комиссию, поручив совместно с городской управой разработать вопрос о постройке здания театра и изыскать необходимые на то средства».

Сохранился «журнал» (т. е. протокол) заседания городской «исполнительной комиссии по разработке вопроса о постройке театра», состоявшегося 13 февраля 1908 года. В постановлении, принятом тогда, говорилось:

«В виду того, что население города за последние десятилетия увеличилось почти на 30 процентов, помещение театра является тесным, кроме того, само здание пришло в ветхость и небезопасно в пожарном и строительном отношении – постройку нового театра признать необходимой и к постройке приступить в текущем году. Из имеющихся трёх планов признать удовлетворительным план, составленный профессором Шреттером. Для нового театра отвести площадку между Александровскими садами.

Просить городскую думу возбудить ходатайство о разрешении городу произвести заем на первое время в размере ста тысяч рублей из сумм городского общественного банка. В виду того, что до наступления строительного сезона остаётся немного – просить городского голову настоящий журнал доложить городской думе в экстренном заседании».

Думцы, ознакомившись со всеми сделанными выводами, решили: «Вопрос о постройке здания городского театра передать снова в комиссию для подробного рассмотрения финансового вопроса».

Весной 1908 года оренбургский городской голова вёл активную переписку как с различными финансовыми учреждениями, так и со своими коллегами в соседних губерниях. В первые мартовские дни 1908 года он писал в правления Нижегородско-Самарского и Донского земельных банков:

«Городская дума, признавая существующее здание городского театра не соответствующим своему назначению, решила принципиально приступить к постройке нового театра, позаимствовав потребную на постройку сумму в частном банке. В виду этого городская управа покорнейше просит сообщить, может ли оренбургское городское правление рассчитывать на получение ссуды...»

Ответы на заставили себя долго ждать. Правление Нижегородско-Самарского банка сообщало: «Ссуду правление банка с удовольствием выдаст, но может это исполнить только под залог недвижимого, существующего, а не предстоящего к осуществлению имущества...» А из Таганрога писали: «Банк может принять к залогоу предложенный к постройке городом театр, но ссуда под таковой будет определена лишь по возведении его...»

«ГЛАВНЫЕ СТАТЬИ ПЕРЕРАСХОДА...»

Обращаясь к самарскому, екатеринбургскому и нижегородскому городским головам, глава Оренбурга писал:

«При обсуждении вопроса о постройке в Оренбурге нового здания для театра некоторые гласные высказали пожелание иметь для соображений сведения о стоимости и вместимости театров, построенных в других губернских городах. А потому имею честь покорнейше просить не отказать сообщить мне, когда построен театр в Самаре, сколько человек вмещает зрительный зал и в какой сумме выразилась исполнительная смета».

Нижегородский городской голова спешил информировать: «Городской театр в Нижнем Новгороде построен по проекту профессора Шреттера. Постройка театра началась в 1894 году, а окончательно театр отстроен к открытию Всероссийской выставки, бывшей в 1896 году. По первоначальной смете стоимость постройки театра опреде-

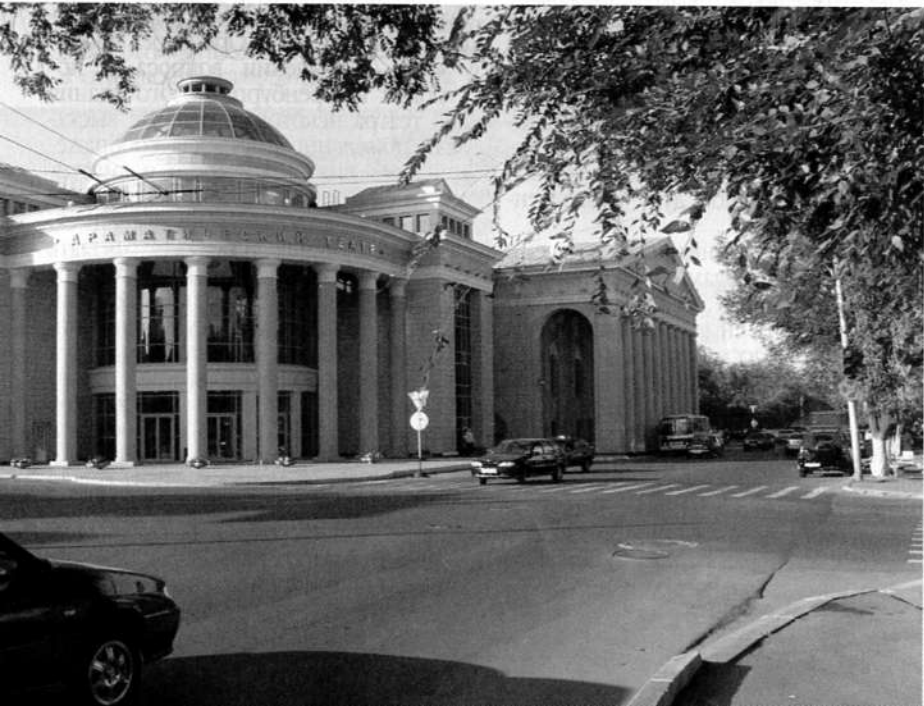
лялась в сумме 190 383 рубля 89 копеек, не считая авторского гонорара за проект и в предположении устройства отопления театра печами и освещения астралином или газом. Исполнительная же смета постройки театра выразилась в сумме 244 845 рублей 38 копеек, причём главными статьями перерасхода были устройство в театре пародухового центрального отопления, а равно электрического освещения, электрической вентиляции. В зрительном зале театра (партер, ложи, балкон и амфитеатр) вмещается всего до 900 человек».

Глава Самары был более краток: «Постройка самарского театра начата 25 мая 1887 года, окончена 1 октября 1888 года; вместимость театра на 1123 человека. Стоимость постройки театра первоначально была исчислена в 84 900 руб., но вследствие изменения плана, окончательная стоимость его определилась в 169 464 руб. 99 коп.»

Откликнулся наконец и Екатеринбург:

«В Екатеринбурге строится театр из кирпича, только внутренность его, а именно: стены, отделяющие коридоры от фойе и зрительный зал от коридоров, все внутренние стенки уборных, лож и других помещений, а также все перекрытия предполагается сделать из железо-бетона, за исключением стропил для крыши.

Театр рассчитан на 1400 человек, площадь, занимаемая театром, около 650 кв. сажен, сметная стоимость всей постройки до 300 тысяч руб. Средства для осуществления постройки составляют фонд 126 808 руб., в том числе: 80 000 руб. из реализованного облигационного займа, 46 808 руб. специального театрального капитала, собранного в течение многих лет с посетителей старого театра в виде десятипроцентного сбора со стоимости билетов. Остальную сумму, необходимую на достройку театра, предполагается занять в Земельном банке под залог выстроенного театра и погашать тем же десятипроцентным сбором».

«НАДЕЖДА НА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НОВОГО ЗДАНИЯ ТЕАТРА ПАЛА»

В мае 1908 года городская управа подготовила доклад «О возбуждении ходатайства о займе для постройки театра». Предлагаю читателям несколько цитат из этого документа: «Комиссия по постройке нового здания театра в заседании своём 7 апреля, обсудив вопрос об изыскании средств на постройку театра, пришла к следующему заключению. Судя по тесноте существующего театрального зала, вмещающего 729 зрителей, зал по плану профессора Шреттера, рассчитанный десять лет назад на 800 человек, в настоящее время по своему размеру не будет удовлетворять прогрессивно увеличивающимся требованиям городского населения, а потому необходимо расширить вместимость зрительного зала в новом театре до 1000 человек.

Приблизительный расход на постройку театра профессором Шреттером исчислен до 100 тысяч рублей. Приняв во внимание, что в последнее время цены на материалы и рабочие руки повысились, и что размер зрительного зала при устройстве на 1000 человек увеличится на одну четвертую часть, нужно полагать, что постройка театрального здания обойдётся около 200 тысяч рублей. Точную же цифру возможно выяснит лишь путём подробной сметы, на составление которой потребуются затратить предварительно около 4 000 рублей.

Потребную сумму за неимением у города средств – позаимствовать в одном из земельных банков в виде долгосрочной ссуды под залог городской земли. Источником ежегодного погашения ссуды могут служить частью арендная плата за антрепризу, а частью доходы от существующего театрального здания, которое после устройства нового театра – приспособить под торговые помещения. Доходов от торговых помещений можно

ожидать до 10 000 рублей в год и от аренды театра до 7000 рублей...»

В итоге для «погашения ссуды в 300 тысяч на 66 лет и 2 месяца придётся уплачивать банку ежегодно в течение первых 23,5 лет по 15 750 рублей...»

Видимо, цифры не испугали городских чиновников, ибо в заключение доклада думе предлагалось «возбудить перед министром внутренних дел ходатайство о разрешении Оренбургу взять из земельного банка ссуду в размере 300 тысяч рублей сроком на 66 лет и 2 месяца на постройку нового театра и на приспособление существующего здания под торговые помещения».

Думцы вздохнули с облегчением: ещё неизвестно, позволит ли министр занять Оренбургу требуемую сумму, а если и позволит, то не сегодня и не завтра. Зато сейчас можно не ломать голову по поводу капитального переустройства существующего здания театра и ограничиться принятием лишь самых необходимых мер «для обеспечения безопасности в пожарном и конструктивном отношениях...» – в виду, как записано в протоколе заседания городской думы от 15 мая 1908 года, «принятого принципиального решения построить новый театр».

Но «принципиальное решение» построить новый театр, видимо, осталось просто благим пожеланием. Иначе спустя три года в «Докладе бюджетно-финансовой комиссии по вопросу о городском займе» (1911 год) не появились бы такие, уже до боли знакомые строки:

«Наше здание театра, выстроенное из бывшего манежа, никуда не годится. Чуть не каждый год возникает вопрос о возможности дальнейшего пользования им без опасности для публики. Независимо от того, театр лишён всякой вентиляции, отчего к концу спектакля у многих из зрителей разболевается голова от недостатка воздуха. Наконец, вместимость его так мала, что го-

род лишён возможности видеть у себя известных гастролёров и приличную оперу, так как сборы в нём не в состоянии оплатить ни тех, ни других. Если видеть в театре не пустую забаву, а важное культурно-просветительное учреждение, каковое значение за ним в настоящее время общепризнанно, то новое здание для театра представляется необходимым».

При рассмотрении этой части доклада на заседании городской думы в начале июня 1911 года возникли проблемы:

«Закрытая баллотировка вопроса о ходатайстве на разрешение займа в сумме 252 тысяч рублей на постройку нового здания театра и приспособления старого под торговые помещения дала 23 шара «за» ходатайство и 13 «против». В виду недостатка необходимых двух третей голосов присутствующих, вопрос о займе на театр должен считаться не принятым. Городская дума поставила на баллотировку тот же вопрос, но в другой редакции, отклонив вопрос о приспособлении старого здания театра под торговые помещения, уменьшив, таким образом, сумму займа на 30 тысяч рублей. Баллотировка нового предложения дала «за» ходатайство 23 шара, «против» – 13, нисколько не изменив положения дела».

Узнав результаты голосования, театральная комиссия обречённо констатировала: «В заседании городской думы от 1 июня сего года вопрос о займе на постройку нового здания театра решён отрицательно. Таким образом, надежда на осуществление нового здания театра пала...»

Но тут на имя председателя бюджетной комиссии городской управы поступило интересное предложение от Товарищества парового пивоваренного завода Е. Е. Гофман*, и бюрократическое колесо закрутилось снова.

Собравшись 10 июня 1911 года, городские думцы – «в виду того, что явились новые мотивы к рассмотрению

вопроса» – опять поставили на закрытое голосование предложение о ссуде на театр. На сей раз большинство их (27 «за», 8 «против») высказалось за возбуждение ходатайства о займе на постройку нового здания театра 222 тысяч рублей наличными**.

Посмотреть, как бы развивалось дело дальше. История времени не дала. Через три года началась Первая мировая война, а за ней череда революций и последующего переустройства жизни. Нет, театр как искусство не умер, напротив, но оренбуржцы ещё чуть ли не полвека ходили смотреть театральные постановки в бывший манеж.

**Александр
ГРАНКИН**
Екатеринбург

Сидим мы над бумагой
Все ночи напролёт,
За бестолковой сагой
Нас утро застаёт...
Товарищи поэты!
Давайте вместе все
Забросим дело это
И прыснем по росе –
Как мелкие букашки,
Как полевой народ,
А жалкие бумажки
Пускай огонь сожрёт.
И станет людям проще
Без нашей маэты,
А мы пойдём по рощам
И станем все – цветы!

Писать я перестал –
Мне думать надоело.
Карябал и черкал –
Ну разве ж это дело?

Я девушке писал,
Неплохо получилось.
Теперь же перестал –
С ней так и не сложилось.

Я страстью к ней пылал,
Но как глупа... Ужасно!
Писать я перестал,
Ведь ей писать напрасно.

СТИХИ ПО КРУГУ

Писать напрасно всем,
Ну, вот и перестал.
И никаких проблем.
Стать проще я мечтал.

Теперь я не пишу,
Теперь исчезла грусть.
Зато я снег топчу
И радостно смеюсь.

Вдохновение проснулось,
Встрепенулось, ожило,
Стёрлась вмиг моя сутулость.
Как прекрасно и светло:
Дождь ли, слякоть – пробужденье,
Гормональный всплеск вокруг.
Звонкое капли пенье,
И гулять готов весь день я –
Так прекрасно всё. Но вдруг
Мне принцесса повстречалась,
И всё бешено помчалось.
Сам не свой я целый день.
Но какая всё же жалость:
Девушка, она как тень:
От неё – она за вами,
Вы за ней – она от вас...
Прислонюсь к оконной раме.
Хоть влюблён не в первый раз,
Всё равно я в восхищенье.
Как прекрасно всё кругом!
Слякоть, дождь, капли пенье
Мчит по жизни кувыркком.

НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

У меня растут года,
Будет и семнадцать.
Где работать мне тогда,
Чем заниматься?
Выхожу я в школьный холл,
Знанием измучен.
Я в эсеры бы пошёл.

О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Работа в поле нынче модной стала,
И про Ивана можно не скрывать:
Решил союз труда и капитала
В деревне он на практике создать.

А был Иван хорошим трактористом,
Но был, увы, плохой экономист,
И никогда он не был коммунистом,
Да и какой из парня коммунист?

Не знает он простых основ марксизма,
Милей ему соседки телеса,
И не противник он алкоголизма,
И часто с неба слышит голоса...

Но всё ж мы знаем, что не на обмане
Страна живёт и, падая, встаёт,
А просто потому, спасибо Ване,
Что хлеб земля – своя ещё – даёт.

Себя страны опорой считая,
Мы всё лукавим, пусть нас Бог простит.
Опора – в поле, истина святая,
Прибавочную стоимость растит.

*Майя Александровна
Полякова
родилась в с. Илек.
В 1995 г. с отличием
окончила филологический
факультет Оренбургского
педагогического
института
по специальности
«русский язык
и литература».
Преподавала в школах
Оренбурга.
С 1998 г. работает
в музее истории Оренбурга*

Майя ПОЛЯКОВА

«ПРИЛЕЖАНИЕМ ПОДОБНЫЙ РЫЧКОВУ...»

*К биографии
Александра Ефимовича Алекторова
(по материалам оренбургской
периодики конца XIX века)*

Оренбургская печать конца XIX – начала XX веков содержит немало интересных работ замечательного историка и этнографа Оренбургского края А. Е. Алекторова (1861–1919), обширная и разносторонняя научная деятельность которого заслуживает уважения и внимательного изучения

Как следует из формулярного списка, Александр Ефимович Алекторов родился в 1861 году. Но где и в какой семье – сведений об этом мы не имеем. Хотя, судя по фамилии* и некоторым фактам его ранней биографии (например, учёба в духовной семинарии), можно предположить, что родители его – из среды православного духовенства.

После окончания Пензенской духовной семинарии Алекторов выдержал испытание при оренбургском учительском институте на звание учителя городского училища и приказом попечителя Оренбургского учебного округа был определён с 19 января 1882 года учителем русского языка в оренбургское уездное училище. В марте 1883 года его назначили учителем-инспектором четырёхклассного училища в Орске. В августе того же года Алекторов, по его собственному прошению, был перемещён учителем в городское двухклассное училище при оренбургском учительском институте.

*Фамилия Алекторов была распространена среди православных священнослужителей, которые, следуя византийским традициям, заменяли свои украинские ли, русские фамилии на фамилии греческого звучания. *Авт.*

В конце 1880-х годов Александр Ефимович служит инспектором училищ Букеевской (Внутренней) орды. В оренбургских газетах отмечались педагогические способности Алекторова, значение его деятельности, направленной на развитие просвещения среди казахского народа.

В августе 1894 года, когда Алекторов покинул Ханскую ставку и переехал в Кустанай, «Оренбургский листок» (1894, 4 сентября) не без горечи констатировал: «Преподаватели, к которым г. Алекторов был всегда внимателен и поддерживал их на тернистом учительском пути, глубоко сожалели об отъезде уважаемого начальника. К числу улучшений в организации учебно-школьного дела, за время служ-

Это не Александр Алекторов, просто семинарист того времени.
Из личного архива Б. Васильева

бы г. Алекторова в Киргизской орде, следует отнести введение усовершенствованных методов преподавания и лучших учебников, наиболее приспособленных для инородческих школ, а также постройки новых училищных зданий, введение преподавания закона Божия, поднятие образовательного ценза учителей, открытие публичной библиотеки...»

С 1903 года А. Е. Алекторов – инспектор училищ Семипалатинской области.

На Южном Урале молодой педагог с увлечением занялся историей и этнографией. В 1882 году вышла в свет первая работа Алекторова «История Оренбургской губернии», выдержавшая два издания и ставшая событием в южноуральском краеведении. Это была фактически первая, после трудов П. И. Рычкова, сводная работа по истории нашего края.

В 1900 году Алекторов опубликовал «Очерк народного образования в Тургайской области», представляющий собою обстоятельную летопись учебных заведений (их возникновение, финансирование, изменение учебных программ и т. п.), многие из которых до 1868 года находились на территории Оренбургской губернии*.

В 1880–1890-х годах в научной деятельности Алекторова значительное место занимает «киргизская проблематика»: изучение истории и этнографии казахского народа, прежде всего Букеевской (Внутренней) орды, подчинённой оренбургскому военному губернатору, история которой неотделима от истории Оренбургского края. В «Оренбургском листке», «Оренбургской газете», «Оренбургском крае» и других изданиях появляются десятки

*По Высочайшему повелению от 21 октября 1868 г. из бывшей области оренбургских киргизов образовано две области: Уральская и Тургайская; областное управление последней было оставлено в Оренбурге. *Авт.*

Оренбург. — Orenbourg. № 4.
Минамов дворъ, Сирыйный рядъ и русская церковь.

его статей и заметок по казахской тематике: об экономическом положении осёдлого и кочевого населения степных областей, о болезнях и средствах врачевания, о рождении и воспитании детей у казахов, о выборном начале, о правах и власти родителей и т. д.

В 1893 году «Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического Общества» (выпуски 2, 3) помещают на своих страницах «Очерки внутренней киргизской орды» А. Е. Алекторова, в которых автор последовательно и научно характеризует различные стороны жизни Букеевской орды, размышляет о перспективах развития казахского народа.

Мысли, высказанные в этом труде, а также в более раннем «Очерке народного образования в Тургайской области», получают в дальнейшем продолжение и развитие. В одной из статей историк пишет: «Дело народного образования киргизов Тургайской области поставлено на прочную ногу и число обучающихся в разных училищах киргизских детей составляет

46,4 процента всех учащихся. Школьное образование – вот то доступное каждому, честно добываемое и ценное преимущество, которое должно открывать путь к службе и общественной деятельности среди киргизского народа» («Оренбургский листок». 1898, 27 сентября).

Материалы оренбургских периодических изданий 1880-1890-х годов свидетельствуют о том, что Александр Ефимович был и добросовестным собирателем казахского фольклора. В «Оренбургском листке» (1894, 18 сентября) напечатана записанная им «Лебединая песня Шийшиби-акына», представляющая собой откровения умирающего акына о различных сторонах человеческого бытия:

*Наука есть текущая река,
Ведущая к познанию веры,
А ум – это страж веры...*

Драматично содержание и «киргизской песни» «Женская доля», противопоставляющей положение девушки до и после замужества. Она, привыкшая сидеть в родном доме на почётном

месте, «подобно султанше», должна теперь помещаться «около двери»:

*Золотые пальчики и белоснежные ручки
растрескаются скоро от кизяка...*

Первоначально «Женскую долю» Алекторов опубликовал в «Киргизской газете» (1898, № 15), но вскоре «песня» была представлена и вниманию оренбуржцев («Оренбургский листок», 1898, 10 мая).

Анализ содержания статей газеты «Оренбургский листок» за 1887 год позволяет предположить, что некоторые свои работы А. Е. Алекторов публиковал под псевдонимом А. Е. Петухов. Подтверждением нашей догадки может служить, прежде всего, происхождение самой фамилии Алекторов: Алектор <греч. αλεκτωρ> – петух*. Возможно, историк решил использовать псевдоним, который отражает этимологию фамилии. Не случайно, на наш взгляд, и совпадение инициалов.

Убеждают в правильности такого предположения и сходство названий,

манеры повествования, особенностей композиции некоторых статей. Так, в двух номерах «Оренбургского листка» были опубликованы две статьи, посвящённые истории раскола в нашем крае. Первая статья, подписанная А. Е. Петухов, называлась «К истории раскола в Оренбургской губернии» (1887, 22 марта), вторая, за подписью А. Е. Алекторов, – «К истории раскола в Уфимской губернии» (1887, 13 декабря).

Кроме однотипности названий и одинаковой тематики, статьи имеют и общие композиционные особенности. В начале каждой статьи изложена история появления раскольников в губернии, указываются главные места их проживания. В Оренбургской губернии раскол появился в конце XVIII – начале XIX веков с переселением сюда донских казаков, с появлением выходцев из Уральска, с открытием богатых

*См. в церковно-славянской Библии: «Рече ему Иисус: Аминь глаголю тебе, яко в сию ночь, прежде даже алектор не возлагит, трикратно отвержешия мене» (Евангелие от Матфея. Гл. 26, ст. 33)

Хивинецъ въ пути на ишакъ.

Названіе М. А. Шапова, Самара и Оренбургъ.

Оренбургъ.

Ханская Ставка

руд на Урале и основанием горных заводов. Раскольники жили в станице Сакмарской, в селениях по реке Илеку, в Троицком и Орском уездах. В Уфимской губернии главным «гнездом» раскола служили расположенные в глухих лесных утлах казённые и частные заводы: Благовещенский и Кусинский (Златоустовский уезд).

Затем и в той и в другой статье следует определение раскольничьих сект. В статье «К истории раскола в Оренбургской губернии» автор пишет: «Раскольники, по своим религиозным заблуждениям, принадлежат к следующим сектам: а) поповщинской, б) беспоповщинской, с) молоканской, д) субботников».

В статье «К истории раскола в Уфимской губернии» также выделяются конкретные секты странников, скопцов, иудействующих*, молокан.

В заключительных частях статей подводятся итоги, приводятся статистические данные. Например, статью «К истории раскола в Оренбургской губернии» (А. Е. Петухов) подытоживает следующий вывод: «Из общего числа раскольников последователи поповщинской и беспоповщинской ереси, не причисляемые к разряду вредных, составляют 99,5 процента. Из последователей сект молоканской и субботников, считающихся вредными, в общем составе раскольников считается 1/200 часть».

Аналогично завершается и статья «К истории раскола в Уфимской губернии» (А. Е. Алекторов): «В 1869 году численность раскольников в Уфимской губернии, с подразделением их на секты, выражалась следующими цифрами: приемлющих свящичество – 6795, беспоповцев, которые признавали брак и

молились за Государя – 3770, не признававших брака и не молившихся за Государя – 1202, принадлежащих к скопческой ереси – 65, странников – 3, молокан – 6. Итого – 11 841...»

Помимо единой композиции наблюдаются в этих двух статьях и общие стилистические черты: сходное построение фраз, вынесенные в название статей, использование в обеих статьях таких выражений, как «к истории раскола», «религиозные заблуждения» и др.

Таким образом, становится очевидным, кто скрывался под псевдонимом А. Е. Петухов.

Среди исторических исследований Алекторова особое место занимает очерк «Граф В. А. Перовский и степные походы, в управление его Оренбургским краем», в котором интересно и подробно изложена биография оренбургского губернатора**.

Характеризуя деятельность Перовского на посту оренбургского военного губернатора, историк освещает, главным образом, степные походы 1839 и 1853 годов, в результате которых были освобождены многие русские пленные и Россия получила большую свободу в торговле с Востоком.

Как на одну из замечательных черт губернатора Алекторов указывает на то, что «Василий Алексеевич особенно любил науку и людей учёных, вот почему в составе чиновников его можно

*В русской исторической и православной литературе – жидовствующие

**Опубликована в газете «Оренбургский край» (1893, № 109-121/24 сентября – 22 октября)

было встретить такие личности, какими были В. В. Григорьев, Н. И. Ильминский, А. А. Бобровников».

На страницах оренбургской периодики конца XIX века Алекторов предстаёт справедливым, внимательным, хотя порой и весьма строгим, даже придирчивым критиком работ, посвящённых казахской тематике. Заинтересованно следя за всей выходящей литературой о казахах, Алекторов радовался содержательным работам и возмущался, когда появлялись слабые, с фактическими ошибками публикации. Так, печатавшаяся в «Оренбургском листке» (1889, № 34-37/24 марта – 1 апреля) пространная статья Алекторова «Как мы пишем теперь учёные книги...» есть, в сущности, не что иное, как рецензия на «Степные очерки (Киргизская Букевская орда)» А. Харузина.

Александр Ефимович, проанализировав работу А. Харузина и отметив ряд ошибок, слабое знание литературы и источников, даёт ей сугубо отрицательную оценку: «На девятнадцати страницах своих очерков г. Харузин считает Внутреннюю орду малоизвестною ныне, забытою. Г<осподин> Харузин не изучил литературу о киргизах до 1888 г., он её только просмотрел... Мы видим спешность, с какою работал этот учёный антрополог. На каждой странице книги Харузина встречается масса имён, так или иначе заявивших о себе в литературе о киргизах; имена эти путаются между собою, сбивают с толку г. Харузина и не дают возможности разобраться читателю: получается какой-то хаос».

Как видим, Алекторов заостряет внимание в основном на негативных сторонах работы Харузина, но надо ска-

зать, что в дальнейшем он переменяет своё отношение к этому исследователю и стал подчёркивать его заслуги в казахской этнографии.

Научные труды Алекторова высоко оценили современники. Пятого октября 1889 года на заседании Оренбургской Учёной Архивной Комиссии Александра Ефимовича Алекторова, «скромного труженика на поприще изучения Оренбургского края», по предложению краеведа Г. Е. Королёва-Антошечкина приняли в члены-корреспонденты ОУАК.

В своём выступлении Королёв-Антошечкин отмечал: «...Алекторов, состоявший ранее преподавателем оренбургского городского училища, всецело посвящает часы досуга на обозрение генерал-губернаторского архива и на составление извлечений из него статей и заметок по истории, этнографии и географии края... Хотя «История Оренбургской губернии» составлена им в самом кратком виде и, по-видимому, почти исключительно по

печатным источникам, но зато остальные труды его как по истории, так и по этнографии составлены им преимущественно частью по архивным сведениям, частью по личным своим наблюдениям... Из трудов г. Алекторова видно, что он имеет склонность к архивным исследованиям, отличается усидчивостью и любознательностью, желает заняться изучением Оренбургского края во многих научных отношениях, послужить и потрудиться на пользу науки, общества и потомства и обещает быть прилежанием своим подобным Рычкову».

Труды А. Е. Алекторова, являющиеся одним из важных этапов развития краеведения, не утратили своей актуальности и в контексте современной исторической науки. Это добросовестные научные исследования, которые всегда отличает наличие композиционно стройного, логичного повествования, интересных деталей и неповторимой авторской интонации.

Литература

1. *Алекторов А. Е.* История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883
2. *Алекторов А. Е.* Очерки Внутренней киргизской орды. Оренбург, 1893
3. *Алекторов А. Е.* Очерк народного образования в Тургайской области: летопись 1744-1898 гг. Оренбург, 1900
4. Деятельность печатного слова в Оренбурге//Труды ОУАК. Выпуск 33. Оренбург, 1916
5. *Зобов Ю. С.* Историк Южного Урала. Вторая половина XIX-XX вв. Оренбург, 1991. Стр. 96-101
6. ГАОО: ф. 81, оп. 1, д. 62 (формулярные списки о службе учителя А. Е. Алекторова)
7. Оренбургский листок. 1887, 22 марта
8. Оренбургский листок. 1887, 13 декабря
9. Оренбургский листок. 1889, 24 марта – 1 апреля
10. Оренбургский листок. 1889, 20 апреля – 6 мая
11. Оренбургский листок. 1898, 10 мая
12. Оренбургский листок. 1894, 4 сентября
13. Оренбургский листок. 1894, 18 сентября
14. Оренбургский листок. 1898, 27 сентября
15. Оренбургский листок. 1898, 15 ноября
16. Оренбургский край. 1893, 24 сентября – 22 октября
18. Оренбургский край. 1894, 11–25 марта
19. *Унбегаун Б. О.* Русские фамилии. М., 1995
20. Уральский месяцеслов 1992: Календарь-справочник. Челябинск, 1991

*Иллюстрации предоставлены
музеем истории Оренбурга*

Киргизы Малой орды

Вячеслав Андреевич Чернов родился в 1941 г. в селе Надеждинка Саракташского района. Окончил сельскую школу-семилетку, железнодорожное медицинское училище в Оренбурге. Работал фельдшером, затем поступил в Оренбургский медицинский институт и с отличием окончил его. Потом была ординатура, аспирантура, защита диссертации, работа в институте. В конце 1970-х гг. организовал курс реабилитации больных на базе Первой градской больницы (Оренбург). Рыбак, грибник, фотолобитель, автор нескольких книг о природе

Вячеслав ЧЕРНОВ

ДЕТСТВО

Штрихи жизни

С возрастом всё чаще и чаще начинаешь вспоминать и анализировать прошедшую, вернее, пролетевшую, а ещё вернее, промелькнувшую жизнь. Время наслаивает друг на друга года, постепенно уплотняя их в один монолитный слой, а память выхватывает из этого слоёного пирога жизни отдельные, наиболее яркие штрихи, не потускневшие от времени...

Трудно сказать, с какого возраста эпизоды жизни фиксирует память. Что-то вспоминается совершенно отчётливо, а что-то, видимо, воссоздается по рассказам старших. Часть воспоминаний относится к трём-четырёх годам, когда в тяжёлое военное время мы с мамой жили в селе Яковлевка у бабушки с бабушкой...

*О*тец ушёл на фронт в первые же дни войны (тогда в армию не забирали, шли сами). Оставшись одна с двумя маленькими детьми, мама переехала из Надеждинки в Яковлевку к своим родителям. В памяти всплывает дедушкин дом в конце села, раскидистый вяз во дворе, огромный, как мне казалось тогда, холм на задах дома, называемый в народе почему-то Дулиной горой. Отчётливо вспоминается сарай и бодливая коза Катька. Из рассказов я знаю, что у бабушки была и другая скотина, но вспоминается именно коза, досаждавшая всем своим строптивым нравом. Коза попевала всюду, любила везде лазить, особенно по завалинкам. Однажды вечером, убежав со двора и забравшись на завалинку соседнего дома, она почему-то стала заглядывать в окно и лизать стекло. Увидев в сумеречном окне кого-

**Александр
ШИПЕРОВ**

КУКУШКА

Надо мной кукушка куковала
По весне вблизи от Кинеля.
«Загадать бы... Накукует мало,
Увидав меня», – подумал я.

Но, задумав, стал считать невольно,
А кукушка всё «ку-ку, ку-ку»...
– Слушай, мне давно уже довольно,
Столько лет прожить я не смогу!

Я рукой махнул бы, твёрдо зная,
Что кукушка непременно ждёт,
Но увидел: девушка считает,
Приоткрыв самозабвенно рот.

Близко встала, но меня не видит,
На кукушку устремила взгляд...
Хорошо, что птица «не обидит»
На «ку-ку» десятки раз подряд.

Улыбнулась девушка, послушав,
И походкой лёгкою пошла...
Ты сегодня молодец, кукушка,
Не беда, что мне подналгала...

СВЯЗЬ ВРЕМЁН

А где начало?
Где всему начало,
С чего вести отсчёт часов и дней –
До нынешних космических
причалов
От скифских необузданных коней?

...А если от решивших сбить оковы,
Спешащих в степь, где факелом заря,
Под вольные знамена Пугачёва –
Мятежного крестьянского царя?..

Пыль на дороге в дождевых
накрапах,
Цвет липы пчёл всей волости собрал
Над тихой речкой, где Сергей Аксаков
Ещё Багрова-внука не писал,

Ещё над ним кругами коршун кружит,
«Бьёт» лещ в пруду, до пояса трава,
Но в камне кладки книг
об Оренбуржье
Друг к другу притираются слова.

*Валентина Александровна
Головина родилась
в Кувандыкском районе.
Окончила исторический
факультет Оренбургского
педагогического
института,
по распределению была
направлена в Адамовский
район. Живёт в посёлке
Адамовка, работает
учителем истории
в средней школе № 2.
Постоянный автор
«Гостиного Двора»*

Валентина ГОЛОВИНА

ЗА БОРТОМ

*О музее в селе Аниховка
и его создателе*

*По счастливой случайности, целинный край
свёл и познакомил двух одержимых людей, двух
учителей: В. Д. Чернова*, создателя Адамовского
краеведческого музея, и Е. Г. Шимолина, создате-
ля школьного краеведческого музея в Аниховке.
Именно сюда после пожара в Адамовском кра-
еведческом была передана на хранение часть
спасённых вещей и документов (другая часть
ушла в областной музей). Сейчас, правда, музея
в Аниховке больше нет, «из души не рвётся зов, и
пустуют залы...», как подсказывает поэт А. Де-
ментьев**. Тогда зачем вспоминать о нём? Но
ведь музей был, и замечательный!*

*Печально, что многие бумаги историка лежат
в частных собраниях аниховцев: у его коллег-
учителей, у повзрослевших и уже седых его уче-
ников. Соберутся ли они когда-нибудь вместе?*

У Веры Яковлевны Клименко, учительницы
Аниховской средней школы, хранится описа-
ние экспозиций школьного музея, составлен-
ное Шимолиным в январе 1968 года. Любопытны
строчки о том, что своеобразными филиалами
музея считались, оказывается, многие объекты:
«Ленинский зал в школе, обелиск славы, постро-
енный по инициативе исторического кружка к двад-
цатилетию Победы, парк Победы, заложенный
школьниками в честь двухсот жителей села, ушед-
ших на фронт в 1941-1945 годах (было высажено
двести деревьев и множество кустарников)...»

*О нём см.: Головина В. Начало всему. ГД № 20, стр. 315-325

**Деметьев А. Вырази времени. М., 2003. Стр. 90

Объектом особой заботы считалась могила партизана, участника итальянского Сопротивления Г. А. Гордиско. Обелиск на ней был установлен в 1965 году на средства совхоза «Аниховский».

А когда в нескольких километрах от села были обнаружены курганы, вероятно, сарматского периода, они также были объявлены «филиалом» школьного музея.

В изысканиях древностей активно участвовали ребята, юные историки, вовлечённые Шимолиным в изучение родного края. Помогали учителю и местные старожилы, и рабочие совхоза.

Найденные «камешки» и кости Шимолин описывал самым подробнейшим образом, ссылаясь при этом на определения учёных из Палеонтологического института Академии наук СССР, например Б. А. Трофимова, а в характеристиках экспонатов указывал книги и статьи, в которых можно прочесть о предмете. В его работе очевидны профессионализм, основательность и увлечённость.

Биография Евгения Георгиевича Шимолина не совсем обычна. Родился он в 1920 году в одном из сёл Уральской, ныне Курганской, области, и получил при рождении имя Евлогий («благословный» в переводе с греческого). Что хоть и косвенно, но позволяет представить его родителей. Однако в новой жизни более употребительным оказалось имя Евгений, так его и звали всю жизнь: Евгений Георгиевич.

В 1939 году, после окончания педучилища, началась трудовая деятельность Шимолина в качестве сельского учителя. Но едва приступили к заня-

Евгений Георгиевич Шимолин

тиям, как молодой учитель был призван в ряды РККА и отправлен в танковые части на Дальний Восток... В армии Евгений Георгиевич стал офицером, командовал взводом. Служба затянулась, т. к. началась Великая Отечественная война. На западный фронт танкисты-дальневосточники не попали, охраняли границу по Амуру, но в 1945 году пришлось повоевать и им.

На Сунгарийском направлении были жаркие бои. В одном из них Евгений Георгиевич был тяжело ранен. В госпитале жизнь ему спасли, однако ногу пришлось ампутировать.

Лечение протекало не гладко, операции следовали одна за другой, отнимали силы. Но молодому человеку очень хотелось жить и учиться. Учиться самому – и учить других. На госпитальной койке он подготовился к экзаменам и,

А. Л. Аниховский перед отъездом в Оренбургскую губернию в форме топографа Тургайской переселенческой партни. Фото 1899 г.

Клара Гавриловна Шимолина

выписавшись, поступил на исторический факультет Краснодарского педагогического института. Окончил его с красным дипломом.

В Краснодарском крае был дан второй старт педагогической деятельности Шимолина. Здесь он женился, родились дети. Здесь был отмечен знаком «Отличник народного просвещения РСФСР».

В 1961 году семья Шимолиных снимается с места и отправляется в Оренбургскую область, на целину. Попали в Адамовский район, в село Аниховка, где и осели на восемь лет. Что побудило их покинуть благодатный край, почему из всех целинных краёв выбрали именно Оренбуржье – об этом можно только гадать, ибо открыть правду уже некому...

В местной школе супруги Шимолины оказались востребованы. Клара Гавриловна, учитель физики по специальности, была назначена директором школы – или, как позднее напишет Евгений Георгиевич, «старшим завхозом». Но её уроки были интересны и увлекательны. Обаятельная женщина пользовалась всеобщим уважением.

Евгений Георгиевич не уступал жене в эрудиции и стати. Энергичный черноволосый мужчина, на пиджаке – орденские планки, взгляд острый, поистине пронзительный... Учеников всё удивляло в нём: разносторонность знаний (не было вопроса, на который бы он не ответил), правильная речь и даже костыли – металлические, с отполированными до блеска полукруглыми обхватами у предплечья. Такие «рабочие» костыли бывают у тех инвалидов, кто не сидит, а двигается, делает дело,

живёт и горит! И поначалу сельчане Евгения Георгиевича считали директором школы.

Он действительно жил её проблемами. Обустраивал кабинеты, вёл кружки: исторический, фотографический...

Оборудовал Евгений Георгиевич и кабинет истории. Те, кто учился у него в шестидесятых, вспоминают «электронную доску» с датами по истории – настоящее чудо для далёкой Аниховки, где постоянное электрическое освещение только в 1960-х годах и появилось. Указка, соединённая электропроводом с маленькими круглыми точками, где краской были обозначены даты, молча, но зримо подтверждала правильность ответа ученика. Если лампочка не загоралась – ответ был неверный. Конечно, это заставляло даже нерадивых учеников учить историю, дабы не опозориться перед одноклассниками.

Помимо всего прочего, Евгений Георгиевич оказался и страстным путешественником. Даже если были раны, экспедиции юных историков и краеведов не откладывались. Тут Шимолина выручал старенький «Москвич» с ручным управлением. Кружковцы тех лет вспоминают: учитель едет себе потихоньку, а краеведы-археологи катят следом на велосипедах.

Обид не было, было ожидание открытий, а они могли состояться где угодно: в голой степи под разливами ковыля, на обрывистом берегу речки, в неприметном овраге, даже в самом селе... Школьники изучали находки, описывали их, мастерили стенды и витрины, оформляя экспозиции будущего музея, продумывали маршруты будущих экскурсий для детей и взрослых.

А в доме учителя пишущая машинка выстукивала по ночам словесную оболочку дневных открытий. И, возможно, Евгению Георгиевичу удалось сделать более чем Василию Дмитриевичу Чернову в Адамовке: за самое

короткое время он не только собрал коллекцию древностей, но и составил её научное и вполне профессиональное описание.

Наконец 5 ноября 1967 года, к пятидесятилетию Октябрьской революции, музей был открыт – в помещении школьного интерната. «Жаль только, что освещение было не ярким, две-три тусклые лампочки – и всё», – вспоминает «экскурсовод» 1967 года, тогдашний семиклассник Н. И. Васкевич.

Краеведов можно разделить на «бумажных» и «полевых»: первых волнуют документы и факты, в них содержащиеся, а вторые деятельно исследуют местность в экспедициях и походах. Счастливым сочетание усилий найти, увидеть ценность, описать, объяснить, да ещё обобщить добытые факты, приближает краеведение к науке. Так создаётся микроистория.

Школьный музей – как правило, микромузей. Во главе его всегда одержимая личность: создатель, хранитель, воспитатель – Учитель. А при нём – масса проблем, для решения которых используется универсальное средство: энтузиазм учителя и его воспитанников.

Печальная участь многих школьных музеев – для них никогда не находится достойного помещения. Ютятся эти детища краеведов и энтузиастов в крохотных комнатках, но принимают любознательных экскурсантов. Любит их демонстрировать заезжим вельможам и мелкое местное начальство.

За первые два месяца работы Аниховского школьного музея его посетило более трёхсот человек (сами школьники не в счёт).

Сельчанам и школьникам было удивительно представленное в палеонтологическом отделе музея необычное в обычном: невзрачные кости оказывались останками древнего большерогого оленя (мегалоцера), или позвонком мамонта, или лопаткой

некого крупного земноводного. И при каждом экспонате указание: найдено на восточной окраине села Аниховка в Таловой балке за бензоскладом. Или при рытье колодцев в 1963-1965 годах. Или на берегу реки Джангыз-Агач.

В археологическом разделе музея также были не менее интересные вещи: орудия труда древних людей, обломки глиняной посуды бронзового века, ритуальный камень для добывания огня.

История оказывалась рядом, была осязаема, волновала до мурашек.

Вот какие интереснейшие описания артефактов древней культуры оставил Е. Г. Шимолин.

«Барельеф женщины и мужчины – резьба по камню. находка относится к раннему средневековью и рассказывает о становлении казахской культуры. Ясно, что барельеф изготовлен до принятия жителями данной местности мусульманской религии, до завоевания арабов (Коран запрещает изображать людей). По определению научного сотрудника Центрального исторического музея и Музея искусства стран и народов Востока в Москве С. М. Ермашёвой, антропологические мотивы изображения лиц женщин и мужчин более ранние, примерно IV-VI вв. до н. э. (конец сарматской культуры). А изготовлен барельеф примерно в IV-VI вв. н. э.; раскрашен красной краской. Барельеф найден учеником Аниховской средней школы Анатолием Олейником на берегу Кумакского водохранилища в 1965 году».

В семи километрах к северо-востоку от Аниховки, в урочище Лисья Нора, весной 1962 года была найдена верхняя часть ручного рубила, а возможно, нуклеуса, т. е. ядра, из которого в древности люди делали свои каменные орудия труда.

«Другой находкой неолитической эпохи является камень для добывания огня путём трения дерева о дерево.

В процессе добывания таким путём верхний конец вращаемой палочки – стержень, удерживался этим камнем, а нижний конец его упирался в кусок дерева. Возвратно-вращательное движение палочка-стержень получала от лука. Камень длиной 55 миллиметров, шириной 33 миллиметра, толщиной 13 мм. Форма камня: плашмя – форма сливы или удлинённо-яйцевидная; в ребро – форма клина. В верхней части камня отверстие диаметром 4 миллиметра, просверленное с двух сторон, как это было принято сверлить у людей новокаменного века (внутри отверстия просматривается грань схождения). Это отверстие просверлено с плоской стороны. С ребристых сторон в той же верхней части камня с обеих сторон начато сверление отверстия, но не закончено. Диаметр тот же. Глубина каждого сверления 5 миллиметров. Одно из сверлений с выломкой. Очевидно, по этой причине древний мастер перестал сверлить с ребристой стороны и просверлил более короткое не по толщине, а по ширине камня, отверстие, ибо так было легче сверлить. Это наводит на мысль, что камень сделан в более позднее время, когда люди научились добывать огонь с помощью камня, но продолжали изготавливать такой шлифовальный камушек с коническим углублением с плоской стороны как культовый предмет, означавший символ огня. У многих других народов таким символом огня стала обратная сторона палочки-стержня, т. е. деревянная крестовина с выступами (крест-свастика). В центр крестовины упирался стержень-палочка, это тоже предмет для добывания огня древним человеком. Как известно, немцы фашисты использовали символ огня древних – крест-свастику в качестве своего людоедского знака. находка в этом отношении является его противоположностью. И так, либо этот камень является натуральной деталью принадлежностей, с помо-

Георгий Афанасьевич Гордиенко (справа) перед возвращением на Родину. На обороте снимка надпись: «На долгую память мы тебе, Георгий Афанасьевич Гордиенко, и на память о той нашей жизни в партизанах. Друзья: Жданов Алексей, ..., Григори». Фамилия и имя второго товарища стёрлись полностью, не разобрать. Парма, 1945. Фото из архива семьи Гордиенко

щью которых древние люди добывали огонь, либо вещь более поздняя, имевшая культовое значение как символ огня. Этот камень поднят рабочим совхоза «Аниховский» П. Клементьевым осенью 1967 года и представлен в музее уже после его открытия. находка поднята на кормоскладе нашего совхоза, значит, была привезена вместе с сеном с одного из сенокосных угодий хозяйства».

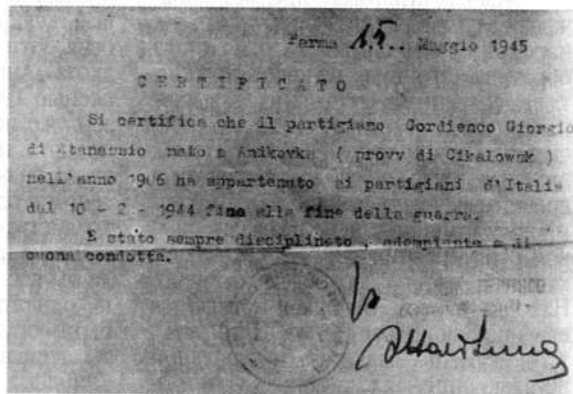
Читаю перечень экспонатов – и вроде бы всё из названного уже виделось не однажды. Предметы крестьянского быта, оружие, иконы, медали, монеты, ассигнации... И вдруг любопытное: «Эмблема американской монополии

«Дженерал Моторс». Снята с двигателя, поступившего в СССР по ленд-лизу в 1941-1945 гг. Двигатель некоторое время использовался на золотом прииске Кумак, а затем в совхозе «Аниховский».

Экспозиция об истории села рассказывала о человеке, давшем название селу, – об Александре Леонтьевиче Аниховском, который с 1903 по 1908 год служил землемером-оценщиком Оренбургского отделения Крестьянского поземельного банка. Родился Александр Леонтьевич в 1876 году в Белоруссии, там получил образование и в 1899 году был командирован в Тургайскую область как топограф. «Участок землемера Аниховского» вдоль речки Джангыз-Агач, нанесённый на карту в 1906 году, стал называться селом Аниховка. В Оренбурге Аниховский активно сотрудничал с Учёной Архивной Комиссией, где его избрали товарищем (т. е. заместителем) председателя, казначеем и хранителем музея. Позже Аниховский получил историческое образование, окончив в 1915 году Московский археологический институт. Археология, минералогия, краеведение, живопись интересовали этого человека не менее основной, т. е. кормящей, профессии.

В 1908 году Аниховский уехал из Оренбуржья, но в 1928 году вновь вернулся сюда. В Бугуруслане, выбранном им для жительства, он занимается организацией краеведческого движения и созданием городского исторического

Справка, удостоверяющая, что уроженец Аниховки (Чкаловская область) Г. А. Гордиенко состоял в рядах партизан Италии с 10 февраля 1941 г. до окончания войны

музея. Вскоре музей был открыт, а сам Аниховский назначен его директором. О деятельности музея писали журналы «Средне-Волжский край», «Советское краеведение», газеты «Комсомольская правда», «Оренбургская коммуна» и другие.

Умер Александр Леонтьевич в 1939 году.

Бесценным экспонатом в Аниховском школьном музее был фотопортрет Аниховского 1899 года. Этот фотопортрет и биографию Аниховского прислали вдова Александра Леонтьевича Елизавета Ивановна и учитель литературы Бугурусланской средней школы им. М. И. Калинина Вера Сергеевна Артемьева в июне 1969 года (о чём сохранилась шимолинская запись от 22 июня 1969 года при оформлении полученного материала).

Более полно об Александре Леонтьевиче Аниховском, вероятно, могут рассказать бугурусланцы: сотрудники музея и краеведы.

Упоминаются в описании музея и такие традиционные экспозиции, как «Слава павшим за Родину» (с фотографиями погибших на войне односельчан), «Они сражались за Родину» (с портретами проживающих к 1968 году в селе ветеранов войны), «Труженики тыла». Но были экспозиции,

посвящённые и отдельным землякам: С. М. Силенко, П. Т. Тучкову, П. Е. Буйному, Г. А. Гордиенко...

В районной газете «Ленинское знамя» (1965, 3 марта) журналист К. Гайфуллин упоминал о письме Е. Г. Шимолина, поступившем в редакцию: «Преподаватель истории Аниховской школы Евлогий Георгиевич Шимолин пишет: "...в связи с приближением 20-летия победы над фашистской Германией, надо бы дать в газете несколько воспоминаний участников войны, рассказы о героях Великой Отечественной"»...

Совет учителя редакция приняла как руководство к действию: решено было каждую неделю давать материалы под рубрикой «К 20-летию победы над фашистской Германией». И уже 17 марта того же года в «Ленинском знамени» появляется рассказ самого Евгения Георгиевича «Памятник в Италии» – о судьбе аниховца Георгия Афанасьевича Гордиенко. Этот человек после возвращения домой в 1946 году жил скромно, добросовестно трудился в совхозе, о себе не рассказывал. Люди знали, что Гордиенко был в плену, и этот факт заставлял относиться к нему с некоторой настороженностью, умалял его в сравнении с другими участниками войны: ага, где-то «отсиживался», а другие воевали!

В 1953 году, в возрасте сорока семи лет, Георгий Афанасьевич умер, – скажались ранения и перенесённые страдания...

Узнать правду о судьбе Гордиенко помог случай, об этой правде и поведал школьный учитель Е. Г. Шимолин.

За скупыми строками газетной статьи стояла кропотливая и долгая работа – и самого Евгения Георгиевича, и его учеников, помогавших своему учителю найти однополчан Г. А. Гордиенко, восстановить его фронтовую биографию. Ребята слали запросы в Италию, Германию, Австрию, во многие города и веши СССР, записывали воспоминания земляков, рассказы вдовы

Георгия Афанасьевича, – получилась удивительная история об отважном и чрезвычайно скромном человеке.

Позже очерк Е. Г. Шимолина «Памятник в Италии» вошёл во второй том «Книги Памяти» (Оренбург, 1994. Стр. 213-214).

О ветеранах войны из Аниховки не раз появлялись публикации в районной и областных газетах. Все они опирались на материалы, найденные, записанные и хранящиеся в школьном музее села.

Например, районная газета «Целина» (2005, 25 апреля) поместила небольшую редакционную статью о боевой биографии аниховца Петра Ефимовича Буйного (1918-1982). Статья пеэстрит датами, фамилиями, названиями населённых пунктов, наименованиями воинских подразделений. Надо ли уточнять, что подобные сведения добыты не газетчиками, а историком Шимолиным и его кружковцами – юными краеведами? Добыты для своего школьного музея...

В 1960-е годы в Аниховской школе работали, помимо исторического и фотографического, географический, биологический, литературный кружки. И все они также пополняли фонды музея своими «учёными трудами» и «открытиями».

Занятия фотокружка вёл, как уже было сказано, Е. Г. Шимолин. Кружок располагал фотолабораторией, в наличии было несколько личных фотоаппаратов «Смена». По нынешним меркам, отнюдь не чудо техники, а фотоснимки до сих пор в семьях хранятся!

Выпускница школы Л. Н. Васкевич вспоминает: «Размышляя с высоты своего возраста о всех делах Евгения Георгиевича Шимолина, скромного учителя, понимаю, что его увлечённость фотографией – это тоже достижение истории. Фотографией Шимолин сохранял, закреплял в памяти прошлое, «строил» свой музей».

ГВАРДИИ ЛЕЙ

Все чаще в День Победы мы вспоминаем имена героев, ушедших в мир иной. И это не удивительно. Ведь живых участников войны уже можно перечесть по пальцам. В районе их осталось чуть более шестидесяти. А в отдельных селах нет совсем. В числе тех, о ком не забудут в светлый час аниховцы, наверняка будет имя Петра Ефимовича Буйного. В мирное время – учителя и председателя сельского Совета, выходя из большой семьи. А на фронте – гвардии лейтенанта, защитника Сталинграда, кавалера орденов Кутузова и Александра Невского.

ПЕТРУ Буйному выпало служить в 15-ой гвардейской Харьковско-Правской орденна Ленина, дважды Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Эта дивизия принимала участие в крупнейших операциях Великой Отечественной войны – Сталинградской и Курской битвах, Висло - Ордерской и других операциях. За умелые боевые действия, мужество и героизм, проявленные солдатами и офицерами, дивизия и ее части были награждены шестнадцатью орденами Советского Союза, отмечены в 15 приказах Верховного Главнокомандующего.

ка Петра Буйного. Предлага-

Пётр Буйный. Фото и статья в газете «Целина» от 25 апреля 2005 г.

В 1969 году в силу обстоятельств Шимолины покинули Оренбуржье, вернулись в Краснодарский край. Здесь остались друзья, ученики, музей – часть их души.

Почитательница Евгения Георгиевича, Л. М. Квашёнова, в 1960-х годах работавшая в райкоме комсомола, хранит его письма. Одно из них позволено привести полностью.

«Здравствуй, Любаша наша!

Большое письмо твоё мы получили, а также получили вчера и поздравительную открытку. Большое спасибо. Но вот написать тебе большое письмо я никак не мог собраться. Был конец вечерней школы (в апреле), юбилейная суматоха, и

настроения подходящего что-то не было. Видимо, по причине неважной перспективы в работе у меня. В вечерней я работать в будущем году отказался, а в дневной дают часов пять. В вечерней работать не могу: никакого удовлетворения, а ради денег не хочу. Пока работаю только в дневной по четыре часа в неделю, да остался ещё у меня экзамен в выпускном классе вечерней по моим предметам...

И вот подвожу итоги этого учебного года и прихожу к выводу, что ничего путного в этом году мной не сделано. Только уроки, кинофотокружок, а исторического кружка мне не с кем было вести, а в вечерней здешней такого кружка и не организуешь, совершенно исключено. В дневной предлагаю организовать по типу моего аниховско-

го факультатива и лекторской группы старшеклассников тоже факультатив и лекторскую группу, но я отказался, поскольку для этого нужно хотя бы два-три параллельных девятого и десятого класса. Так что этот мой опыт применить здесь я не мог. А работа исторического кружка, в том числе красных следопытов, здесь не принята.

Есть сельский музей в комнатке при школе, но им занимается местный энтузиаст, комсомолец двадцатых годов. Работа же школьных комсомольцев в этом отношении свелась только к тому, что им были розданы энтузиастом анкеты (отпечатаны в типографии), и эти анкеты ученики разносили по квартирам жителей станицы, а потом их собирали и сдавали энтузиасту. Я со своим кинофотокружком решил помочь музею. Сделано одиннадцать плёнок репродукций с фото погибших во время двух войн. Обучаясь, в частности фоторепродукции, мои кружковцы сделали их. Это более чем триста фотоснимков репродуцировано. Правда, отпечатали с них только около ста человек (с трёх фотоплёнок). Остальные фотоотпечатки делает с наших негативов любитель, нанятый колхозом (60 руб. в месяц) для оформления музея к юбилеям (22 апреля – 9 мая).

Вот видишь, Люба, тут всё на оплате, и ничего «на общественных началах». За работу «на общественных началах» только такие дураки, как я, берутся. Но теперь у меня времени много, и я стараюсь помочь музею. Мой шеф (Николай Иванович, энтузиаст типа Чернова В. Д.) очень доволен помощью и называет меня «дорогой Женя»...

Удивляюсь тому, что историки, литераторы, географы здешние особого пристрастия помочь музею не питают. Кружков нет. Без кружка помощь, естественно, будет невелика. Интересно: школа так здорово оформлена, что дух захватывает, но только не руками школьников. Стенд рисунков, фото-

газета и уголки в классах да классные монтажи-наклейки сделаны детьми. А остальное – либо умеющими оформлять учителями по наряду (за гроши), либо нанятыми художниками-специалистами. Нет кружков – очень мало детского общественного творчества.

У Клары в работе огромнейшие успехи. Она после восьми лет работы старшим завхозом Аниховской с. ш., наконец выбралась на вольный простор работы учителя физики, специалиста. Уроки её физиками района (приезжали) и всеми посетившими признаны непревзойдёнными. По её предложению в начале учебного года был переоборудован физкабинет, в чём она тоже принимала участие. Физики района признали его лучшим в районе. Правда, зав. кабинетом, здешний физик, тоже много сделал по переоборудованию по плану Клары. Ну а главное, теперь по новой методике преподавания физики (проблемное обучение) Клара сумела найти главное в работе. Но и неудивительно. За восемь лет работы на целине она посетила более четырёх тысяч разных уроков в разных школах Адамовского района (мы с ней как-то подсчитывали), систематически читала метод. и пед. литературу, делала выписки, много сделала выписок на ВДНХ во время летних поездок к родителям в Москву и т. п. Да и учебники физики новые многое подсказывают, как надо проводить урок. Ею разработаны особые методы подготовки к уроку и составления поурочных планов. И несмотря на стаж и опыт, очень много готовится к урокам. Ни одного урока без приборов, выполнение всех программных лабораторных. Вот и результат.

У Алексея дела могли быть лучше, но слишком много времени тратит на мячи, кино и телевизор. В первом полугодии был хорошистом. Избран в комитет комсомола, отвечает за спорт.

Снимали кружковцы и короткие фильмы о делах и заботах Аниховской школы той поры. Часть фильмов сохранилась, на юбилейных встречах их и сейчас смотрят бывшие выпускники.

Школьный музей неотделим от человека, его создавшего. Евгений Георгиевич, кроме преподавательской деятельности и поисковой работы, писал для районной газеты, выступал с докладами перед односельчанами, занимался атеистической работой (в селе действовали разного рода секты, и это тревожило учителей). Известно, что Е. Г. Шимолин помогал В. Д. Чернову в подготовке его кандидатской диссертации. Сам же оставался самодостаточным человеком.

Уроки готовит бегло. Я так не учился в своё время. На одной памяти далеко не уедешь.

Ольга уже на третьем курсе. Зимнюю сессию сдала без троек. Летом будет работать в пионерлагере в Подмоскowie. В августе ждём её в гости.

С квартирой дело утряслось. Две частные квартиры переменили за зиму. А теперь живём в колхозной, без удобств конечно. Военкомат помог мне, как инвалиду войны. А то бы так и таскались по частным квартирам. Очень туго тут с квартирами для учителей. Подавляющее большинство учителей живёт в собственных домах, добротных, с виноградниками, садами и псеками, огородами, летними кухнями и погребями. Есть где и чем физически поразмяться, есть о чём позабиться: от тары для вина с собственного виноградника и мёда с собственной пасеки до гранулированного удобрения для подкормки культурных растений... Начальство школьное живёт в сельсоветских (неважных) квартирах. Остальные учителя кочуют по частным. С этого года школьных квартир = 1!

У меня было очень много неприятностей с квартирой. Военкомат на основании специального Постановления Совета Министров о трудо- и бытовом устройстве инвалидов войны требовал, чтобы меня поселили в школьную (эту квартиру сдавали в эксплуатацию с осени, в начале учебного года), но школьный местком отказал мне, как гражданину ни весть откуда явившемуся. Тогда военком тов. Цветков обратился к районному начальству, а оно, в свою очередь, по-видимому оказало нажим на начальство колхоза. Тут как раз из старых колхозных квартир переселяли колхозных специалистов во вновь отстроенный колхозный особняк (точно такой же, в каком живёт В. Д. Чернов) – первый такой двухэтажный дом особой архитектуры. Эти старые колхозные квартиры

предполагалось передать менее важным колхозным специалистам. Но в связи с тем, что районное начальство (по-видимому, пред. райисполкома) потребовало от колхозного начальства предоставить колхозную квартиру инвалиду-учителю, то пред. колхоза расщедрился и отдал две квартиры для учителей. В одну переехали мы, а в другую учительница начальных классов с мужем – шофёром колхоза. Позже директор школы нашей вынес мне похвалу-комплимент без занесения в личное дело: «Вы добились для школы двух колхозных квартир». Пришлось ответить, что это не я, а военком, его и благодарите.

И действительно, я же не хлопотал. А получилось так. Когда из Адамовки в Ейский военкомат пришло моё пенсионное дело, то меня вызвали в военкомат заполнить бытовую анкету. С этого всё и началось. Военкомат вступился за меня. Пришлось докладывать в военкомат о проделках школьного месткома, который выше Совнаркома. Но перенервничал я порядочно, особенно когда меня песочили на школьном месткоме за то, что я «с неба свалился в Должанку», за то, что я вроде бы «летун» и предъявляю всякие незаконные требования относительно квартиры и работы, и т. п. ересь. Вспоминать страшно. Никогда не приходилось попадать в паутину интриг, а тут влип. В общем, Любаша, 31-й год моего педстажа оказался самым тяжёлым. А тут ещё была беда на нашу с Кларой голову: бухгалтер роно не признала одну Кларину справку о стаже и Кларе не выплачивали «свыше 25 лет», т. е. законные 50 рублей зарплаты не доплачивали. Причём, не засчитывались самые серьёзные годы работы Клары 1941-42 и 1943-45-й. В эти годы она работала старшей пионервожатой в школах и детдомах, участвовала в эвакуации детдома, работала в спецдетдоме (дети из блокированного Ленинграда). И вот эти

годы главбух не засчитала. Пришлось Кларе ездить на зимних каникулах по тем местам, где она работала. Но ничего не достала. Тогда она на обратном пути заехала в Краснодар, побывала в партархиве и ей там нашли протоколы Бюро РК ВЛКСМ, где отмечено назначение Клары ст. пионервожатой. Сделали две выписки, но даже документам партархива главбух не поверила, не признала их. Позже добрые люди, работавшие вместе с Кларой в те годы, прислали ещё одну справку. Выплатили за последние три месяца разницу и оплачивают теперь правильно, но за три месяца разницы пропала. Материальный ущерб не важен, а вот моральная травма нанесена тяжёлая.

Вот так мы тут начали жить. И поделом: в следующий раз по призыву Партии и Правительства не едите на целину. Вот как!

Ну, теперь ты, Любаша, напиши обо всём и про всё, как соберёшься с мыслями и появится у тебя эпистолярное настроение. Ну, а приветы всем нашим знакомым огромнейшие передавай. И пожелай им самого наилучшего в работе и жизни. Низкий поклон твоей маме. Напиши про свою работу и свою жизнь. Когда пригласишь на свадьбу? (Твою). Обо всём пиши. Тут я ещё должник перед Гайфуллиным Камиллом Сагитовичем. Он мне написал давно, и есть в Ейске наш общий знакомый, у которого я уже побывал, а письма никак не соберусь Камиллу написать.

Люба, есть у меня к тебе просьба. У Нины Григорьевны в архиве или ещё где есть один экземпляр моего доклада о краеведческом и патриотическом воспитании, не сможешь ли ты мне его на время прислать? Я бы перепечатал для себя, а то у меня не осталось. Возвращу. С приветом! Е. Ш. Привет от Клары и Лёшки!!!

Извини, что письмо получилось мрачным.

Е. Шимолин. 6 мая 1970 г.»

Письмо «Любаше» от человека, любившего жизнь, науку, простор творчества, сотрудничество с детьми. Как потом ему не хватало верных учеников! Идеи были, а радости поубавилось. Энтузиаст-бессребреник понял, что желание быть полезным обществу и дополнительные страдания – по причине реализации этого желания – очень часто неотделимы.

В письме грусть и разочарование, удивление и некоторая переоценка ценностей. Но, может быть, эти грусть и печаль – признание того, что годы, прожитые в Аниховке, были самыми лучшими, самыми звёздными для него?

У Риммы Казаковой есть строчка*:

*«Секрет успеха:
лишнего не брать –
в стремлении к достатку
слишком смелом,
в чужие игры не играть,
не врать
и не своим
не заниматься делом».*

Шимолин так и жил. Он был явно несовременен даже по меркам 1970-х годов, а уж по нынешним – тем более.

Оставленный в Аниховской школе музей объединял детей и взрослых в добрых чувствах несколько лет. Его поддерживали учителя, директора совхоза «Аниховский» Ф. Н. Богодица, затем В. Г. Соловьёв...

В 1974 году в Аниховке выстроили прекрасный Дом культуры «Берёзка». Вячеслав Ефимович Киреев, образованный и мудрый человек, ставший с 1973 года директором совхоза, решил превратить новый Дом культуры в подлинный центр духовности. По его распоряжению светлый зал второго этажа ДК был отдан под экспозицию школьного музея. Рядом с музейным залом расположилась сельская библиотека.

*Литературная газета. 2006. № 21-22

Открытка, присланная Шимолину в 1967 г. чешским писателем Яном Марек, помогавшим в поиске материалов о Гордиенко

сокая, неулыбчивая. Я скромно маячила в библиотеке и всё смотрела на её руки, натруженные такие, с крупными пальцами. Я впервые видела настоящего скульптора. Жаль, что не сохранились её скульптуры, да и музей тоже...»

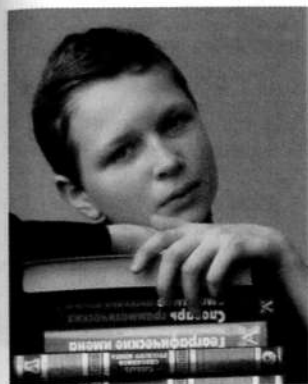
Да, жить ему оставалось считанные годы. В 1979 году музей закрыли. А наступившие новые времена вообще выкинули культуру и духовность за борт – в буквальном смысле слова. Очищенное от «хлама» помещенные отдала под бар.

В 2006 году Аниховка праздновала 100-летие со дня основания села. Как не хватало в те дни музея, как не хватает его сегодня! А ведь музей – был. И был – как явление – Евгений Георгиевич Шимолин.

Р. С. В полном смысле слова я не являюсь автором очерка о школьном музее Аниховской средней школы поры 1960-х годов. Я его не видела, о его создателе знаю лишь по рассказам и публикациям. Было бы справедливо, чтобы о своём детище рассказал Евгений (Евлогий) Георгиевич сам или хотя бы его последователи. Но Е. Г. Шимолина больше нет, а последователем, способным возродить или хотя бы восстановить утраченное, пока никто не решился стать.

Семён ТИМОШЕНКО

АВТОГРАФ

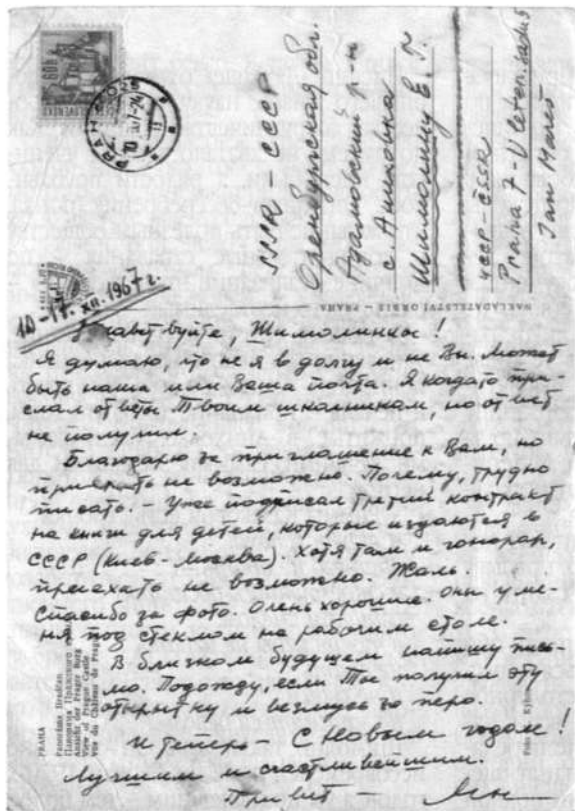

Семён Михайлович Тимошенко родился в Оренбурге в 1992 г. Учащийся 10 «А» класса гимназии № 5 (Оренбург). Победитель областного этапа Всероссийского конкурса работ учащихся «Права человека глазами ребёнка», лауреат областного конкурса детского литературного творчества «Рукописная книга» (2003, 2004), лауреат I степени Всероссийского открытого конкурса «Первые шаги – 2006». За работу (фильм) «СНГ. Проблемы русскоязычного населения Кыргызстана» награждён медалью «Эвариста Галуа» (2007). Публикуемая работа была представлена на конкурс «Рукописная книга», когда её автор учился в восьмом классе

«Дети мира невинны, уязвимы и зависимы. Они также любознательны, энергичны и полны надежды. Их время должно быть временем радости и мира, игр, учёбы и роста».

Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (Нью-Йорк, 30 сентября 1990 года)

В истории каждой страны есть особые моменты, когда государство стоит перед выбором, который раз и навсегда решит его судьбу. Такие же яркие события происходят в жизни каждого человека. Волей судьбы одно из самых ярких моих воспоминаний совпало с переломным моментом в истории Кыргызстана. Когда я вижу фотографию на моём столе, череда событий прошедшего лета возникает в моей памяти...
Прежде чем описать случившееся, хочу рассказать о том, что мои родственники, в том числе и бабушка, живут в Кыргызстане. Сейчас это заграница, а раньше моя мама каждое лето беспрепятственно ездила к ним в гости. Мама там родилась, и я всегда считал Кыргызстан частью моей огромной страны. Теперь, чтобы поехать к бабушке, надо пересечь две государственные границы – казахскую и кыргызскую. Мы (я и мама) ещё не привыкли к тому, что наши страны разделились. И странно было наблюдать, как суетятся таможенники, проверяя паспорта и личные вещи, как они придирчиво осматривают багаж пассажиров. Успокаивало лишь одно: скоро я увижу своих родственников, жемчужный Иссык-Куль, родной Бишкек...

Переездом из ветхого здания интерната на новое место занялся ученик Е. Г. Шимолина, в 1970-е годы учитель истории Михаил Алексеевич Дергунов.

В том же 1974 году в гости к аниховцам приехала скульптор Надежда Гавриловна Петина. Она подарила музею несколько своих работ. То были «Юность», «Рабочий», «Колхозница», гипсовый бюст Т. Г. Шевченко (сейчас он хранится в Адамовском районном музее), бюст Бетховена с разлетающимися волосами, выполненный из дерева со светлым названием яшень.

Юная библиотечка той поры Л. Н. Васкевич признаётся: «Помню, как Петина беседовала с аниховским руководством в день приезда – вы-

стацией. Уникальны находки парадной посуды: ахемендский серебряный сосуд с ручкой-сливом, украшенной изображением быка, и деревянные чаши, обложенные золотыми и серебряными пластинами с богатым декором.

Радости открытия невольно омрачается сознанием того, что результаты раскопок могли быть ещё более значимыми, если бы курган не был ограблен.

В завершение хотелось бы снова обратить внимание на то, что в нашем обществе не сформировано отношение к древнейшему культурному наследию как к величайшей ценности. Большинство относится к грабителям древних курганов не с порицанием,

а, скорее, расценивает их как романтических искателей приключений.

При рассмотрении дел о незаконных раскопках полномочия Госоргана заканчиваются на подаче заявления в органы внутренних дел. Дальше судьба того или иного заявления зависит от работы правоохранительных структур. Чтобы Оренбургская область не лишилась основной части своего археологического достояния, реальная разрушительная сила грабительских раскопок должна получить мощное противодействие не только со стороны органов охраны памятников и органов внутренних дел, но и со стороны общественности.

Верблюды.
Сбруйная бляха
из кургана № 1
Филипповского
могильника

Юрий КАРАСЕВИЧ

ТЕЛЕВИДЕНИЕ: ЖИЗНЬ ВРАСПЛОХ

*Сорок шесть лет тому назад
в Оренбурге впервые засветились
«голубые экраны»*

Юрий Михайлович Карасевич родился в 1940 г. на станции Шубар-Кудак Актюбинской области. Окончил режиссёрский факультет Высшего театрального училища им. Б. В. Шуккина (Москва). Со дня основания Оренбургской студии телевидения работал режиссёром, главным режиссёром, заместителем председателя ГТРК «Оренбург». В настоящее время – руководитель лаборатории электронных СМИ Оренбургского государственного университета. Член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат международных и российских телефестивалей документальных фильмов, академик Международной академии телевидения РФ, кандидат педагогических наук, доцент

Теперь уже далёкие шестидесятые годы... Как сейчас вижу поздние осенние вечера старого Оренбурга, пустеющие улицы, редких, спешащих домой прохожих. Говорят, что и преступлений в эти часы совершалось меньше, а в домах, где традиционно был слабый напор воды, именно в эти вечерние часы можно было принять душ... Это значит, что наступил «телевизионный вечер», и люди сидят перед голубым экраном во власти некой магической силы... Телевизоров было ещё немного, и соседи, друзья, просто знакомые собирались «на огонёк» у тех, кто уже занимал этот «волшебный ящик». Получалось вроде домашнего кинотеатра. Смотрели всё подряд. Передачи тогда шли три раза в неделю, но местному эфиру не было конкуренции – Москва ещё не пришла...

Телевидение, начавшееся как продолжение радио и кинематографа, обнаружило свои специфические свойства в необычайно короткий срок. Те пятнадцать-двадцать физиков, что собрались 22 мая 1911 года в одной из аудиторий Технологического института посмотреть на полоски, возникшие на торце телевизионной трубки, которые им продемонстрировал Борис Львович Розинг (1869-1933), вряд ли представляли себе, каким мощным каналом воздействия на сознание – массовое и индивидуальное – окажется эта забавная безделушка, войдя практически в каждый дом, в каждую семью.

Примечательно, что Сергей Эйзенштейн, задолго до того, как телевидение стало частью нашего быта, с необычайной проницательностью писал:

«И вот перед нами как реальность стоит живая жизнь в чуде телевидения, готовая взорвать ещё не до конца освоенное и осознанное опытом немого и звукового кинематографа».

Телевидение сломало наши представления об экранном действии как зафиксированном на киноплёнку, происходящем только между героями и к зрителю не обращённом, оно превратило его, зрителя, из наблюдателя в соучастника живого действия, уподобив общение в телеэфире общению с реальной аудиторией: человек на экране говорит непосредственно с нами и в это самое мгновение.

Жизнь, застигнутая врасплох... Это самое сильное, что может дать телевидение. Мы присутствуем при рождении слова и мысли, футбольной комбинации, слезы, сбежавшей по лицу актёра, глаза которого смотрят в наши глаза...

Здесь будет радиодом

Последний штрих

Таким «живым» пришло телевидение и в наш город. Двадцать седьмого сентября 1961 года впервые зажглись голубые экраны, и первый диктор Мария Таран приветствовала оренбуржцев. Это был настоящий праздник.

Следует отметить и большой вклад инженерно-технических работников, сделавших всё для того, чтобы телевидение пришло в наш город. Это первый директор Радиотелецентра Павел Филиппов, главный инженер Ефим Розенблат, инже-

неры Владимир Варнавский, Олег Коломиец, Геннадий Руденко и многие другие...

Немало было проблем и у первого тогда председателя комитета по радиовещанию и телевидению облисполкома Антонины Григорьевны Лукиной, а потом и у Риммы Александровны Забелиной. Телевидение было делом новым, и квалифицированным, знающим специфику кадров просто неоткуда было взяться...

Не было и соответствующей техники: ни кинокамер, не передвижных телевизионных станций (ПТС). По этой

В телецентре – субботник

причине информационная программа «Новости» практически не отвечала своему предназначению. Мало было сюжетов событийных, имеющих, как мы говорим, информационный повод, всё больше рассказы о людях труда, сопровождаемые показом двух-трёх десятков фотографий.

Все передачи шли в прямом эфире и поначалу носили в основном просветительский характер. Выступали артисты филармонии и наших театров, музыканты, различные гастролёры, демонстрировались произведения художников. В последнем случае студию преобразовали в выставочный зал: вывешивали картины, приглашали искусствоведов...

В первые дни было много «разговорных» передач: беседы за круглым столом, диалоги с писателями и художниками, с заезжими знаменитостями, телевизионные спектакли... Но постепенно приходило понимание, что на телевидении главное – картинка, изображение, а слово должно дополнять картинку, а не пересказывать, не дублировать её. И в то же время – соответствовать устной, разговорной речи, её строю, образности, интонации.

В памяти – передача Оренбургского телевидения начала 1960-х годов. Журналист пригласил для выступления одну из лучших птичниц области поделиться опытом работы. Но вместо того чтобы предварительно встретиться с ней, поговорить о предмете будущей беседы, продумать простые и точные вопросы, он быстро

Телеоператор Искандер Бигеев. 1970-е гг.

накатал речь, с какой должна выступить его героиня, и обязал её зубок выучить текст. Вечером, когда они вышли в эфир (а тогда, повторяю, все передачи шли «живём»), и журналист предоставил слово птичнице, она, лихорадочно перебирая листочки с текстом, вдруг, после затянувшейся паузы, испуганно воскликнула: «Ой, я не буду, я боюсь!» – и убежала из кадра. Сконфуженный журналист буквально силком вернул её на место, усадил за стол и, отобрав свой текст, попросил рассказать о себе своими словами. И птичница, успокоившись, вдруг просто, в свойственной только ей манере, начала делиться опытом работы...

Позже, разбирая на «летучке» это происшествие, тогдашний директор студии Леонид Наумович Большаков только руками разводил, не зная, что

В студии – Народный артист СССР Андрей Абрикосов

выбрать: «С одной стороны, надо бы Роберту Казачкову (именно он отвечал за это выступление. – Ю. К.) объявить выговор за халатное отношение к своим обязанностям, с другой – благодарность: не растерялся всё-таки, птичница хорошо выступила».

Когда на телевидении появились первые кинокамеры*, Государственный комитет по радиовещанию и телевидению** каждой областной студии определил план подготовки документальных фильмов, которые потом просматривала постановочная комиссия в Москве и решала вопрос о приёме фильма в тираж и рассылке копий по всем студиям страны.

И вот пришла добрая весть: фильм «Дом его друга» (сценарий Л. Больша-

В эфире – «Музыкальный турнир городов»

будет показан на Неделе Советского телевидения в ГДР.

Это были первые фильмы, снятые Оренбургской студией телевидения в далёком 1964-м...

Успех открыли наших режиссёров и операторов: Романа Хардина, Рафаила Хаялина, Искандера Бигеева, Лилию Филимонову, Наталью Воеводину, Петра Шербакова и других. Появились ленты: «Хлеб целины», «Никоньич», «Танцуют куклы», «Маленькое чудо», «Встреча с Незнакомцем» и другие.

В фильме «Живёт в Бузулуке артист» (сценарий А. Горбачёва) старейший актёр местного народного театра Владимир Морозов рассказал, как театральный коллектив Дома культуры железнодорожников давал спектакль для чапаевской дивизии: «Уж больно бурно чапаевцы реагировали на события пьесы. А я играл городского. Думаю,

*В том числе одна широкоплёночная камера «Конвас», которой мы снимали документальные фильмы.

**Обратите внимание на очередность в названии комитета: сначала радиовещание, потом – телевидение. В 1970 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Государственный комитет по радиовещанию и телевидению был переименован в Государственный комитет по телевидению и радиовещанию

Концерт для передовиков производства

возьмут ещё, да и стрельнут. Так я на всякий случай подкладывал под камзол на сердце сковородку...»

В 1967 году, с приходом в Оренбург московской программы, мы стали выходить с передачами на Центральное телевидение. Причем, объём передач, показанных на канале ЦТ, был большим. У нас был «шлейф прямого выхода» на Москву, и мы в определённое время выходили «живём» из нашей небольшой студии фактически на всю страну.

Первый часовой выход был посвящён хлеборобам Оренбуржья («Сельский клуб «Нива»). В передаче принимали участие солисты Оренбургского народного хора, звучали песни нашего композитора Алексея Цибизова.

Успешно прошла и музыкальная программа для детей «Городок-малышок» (автор Н. Ишкова, режиссёр Н. Воеводина).

Мы побеждали в музыкальном турнире городов – конкурсная программа, по итогам которой авторам передачи редактору Инессе Астраханцевой и режиссёру Л. Филимоновой вручал дипломы председатель жюри этого конкурса композитор Арам Ильич Хачатурян.

Целый год шла передача Центрального телевидения «Алло, мы ищем таланты!» – с включением областных телестудий. Десятки, сотни исполнителей со всей страны, из всех её республик...

Оренбургский газзавод. Первый репортаж со стройки

Среди победителей оказался и наш земляк – учитель из посёлка Красногвардеец Бузулукского района Виктор Старших. В заключительной передаче из Останкинской студии он пел в сопровождении оркестра Всесоюзного радио и телевидения под управлением Юрия Силантьева. «Очень волновался, – признался потом Виктор, – ведь всегда имел дело только с баяном, а тут такое...»

В 1970 году Оренбургская телестудия впервые вышла на Интервидение с передачей «Здравствуй, брат Сташек!»

Суть её в следующем. До революции в Сибирь на поселение был послан польский революционер Антон Пенкальский. Вместе с ним в ссылку отправились его жена Мария и двое детей: сын Чеслав и дочь Генавефа. После Октябрьской революции Пен-

кальский, хоть и мог вернуться на родину, остался в Сибири, его избрали председателем Петровского райисполкома Иркутской области. В 1921 году Антон Пенкальский был зверски убит белобандитами, и Мария, его жена, собралась ехать в Польшу – в голодный год, зимой, на санях, с детьми. Только самого младшего – семимесячного Сташека (второго своего сына, родившегося уже в Сибири), не решилась она взять с собой, оставила (на время, как думалось) в семье местных жителей, добрых своих знакомых Рыковых. Но вернуться за Сташеком ей было не суждено.

Связь с Пенкальскими оборвалась, и Рыковы усыновили оставленного им мальчика. Сташек стал Сашей, получил фамилию приёмных родителей. Только когда Сташеку-Александрю исполнилось девятнадцать лет, старый друг отца Георгий Степанович Попов раскрыл ему тайну его происхождения. Сташек-Александр решил: «Буду искать!»

Но тут война, оккупация, затем смена общественно-политического строя, изменение государственных границ... Уцелел ли в этой круговерти хоть один из Пенкальских? А если уцелел, куда занёс его ветер Истории? Может, искать его нужно не в Польше, а совсем в другой стране?

Поиск завершился только после того, как к нам на телевидение пришёл подполковник Советской Армии пре-

Режиссёр Филимонова
и оператор Гревцов

подаватель Оренбургского высшего зенитного артиллерийского училища Александр Яковлевич Рыков и поведал свою историю...

Мы обратились за помощью к Первому секретарю Центрального Комитета Польской объединённой рабочей партии Владиславу Гомулке. В розыски семьи Пенкальских включились работники аппарата ЦК ПОРП, сотни добровольных помощников, друзей Советского Союза и Польши, и через сорок восемь лет разлуки Чеслав, Генявефа и Александр, он же Сташек наконец встретились.

...Московский поезд прибывал в Оренбург поздно вечером, и чтобы лучше снять происходящее, наши техники установили на перроне мощное освещение, а дежурный по вокзалу попросил по радию машиниста остановить поезд так, чтобы шестой вагон, в котором ехали брат и сестра Пенкальские, оказался как раз в этом световом пятне.

И вот встреча... Как похожи братья! Разве что разница в годах... Крупные планы, слёзы радости. Цветы...

Эту первую встречу мы снимали конечно же в Оренбурге, потом с оператором Хаялиным лета-

Н. Ишкова, П. Щербаков
и Н. Воеводина на съёмках
документального фильма
в Бузулукском бору

Как все ещё молоды!

ли в Сибирь, на Байкал, где жили в ссылке Пенкальские, снимали могилу отца – Антона Пенкальского. Получилась тридцатиминутная лента «Здравствуй, брат Сташек!» – которую увидели телезрители на Урале и в Сибири, в Польше, Венгрии, Чехословакии.

В те годы на Оренбургском телевидении, как, впрочем, и вообще по стране, наблюдалось увеличение рубрик, цикловых передач и тележурналов. «Коммунист», «Искры творчества», «Сельский клуб», «Искусство», «Рационализатор», «Для вас, женщины»...

Телевидение стало транслировать не только театральные спектакли, но и ставить свои, телевизионные, из которых назову лишь несколько: «Русский характер» Алексея Толстого, «Самая долгая ночь» Хория Ловинеску, «Этот странный Юзеф» Ежи Яницкого, «Мост в далекую ночь» Раймундаса Самулявичуса. «Четыре капли» Виктора Розова, «Мы – мужчины» Мара Байджиева... Телевизионные режиссёры Юрий Кононыхин, Лилия Филимонова, Венициан Петров, Евгений Паньков и другие поначалу репетировали в театре, а потом выходили в студию на трактовые и генеральные репетиции.

В телевизионных спектаклях были заняты ведущие артисты областного драматического театра: Александр Михалёв, Виктор Антонов, Станислав

Поёт ансамбль
казачьей песни «Янк»
(хутор Степановский)

Ежков, Анатолий Солодилин, Александр Жигалова, Александр Папыкин, Сергей Юматов, Лариса Калюжная, Ким Густырь, Зиновия Улановская, Павел Чиков и другие.

Это был интереснейший «театральный период» в жизни не только Оренбургского телевидения, но и всех региональных студий.

Шли годы, телевидение развивалось не только в творческом, но и в техническом отношении. В начале 1970-х областное телевидение по магистрали пришло в Бузулук и Кувандык, а в Орск (через Челябинск) – московская программа. В 1982 году, по завершении строительства релейной линии

**В аппаратной
инженер Н. Рукавицына**

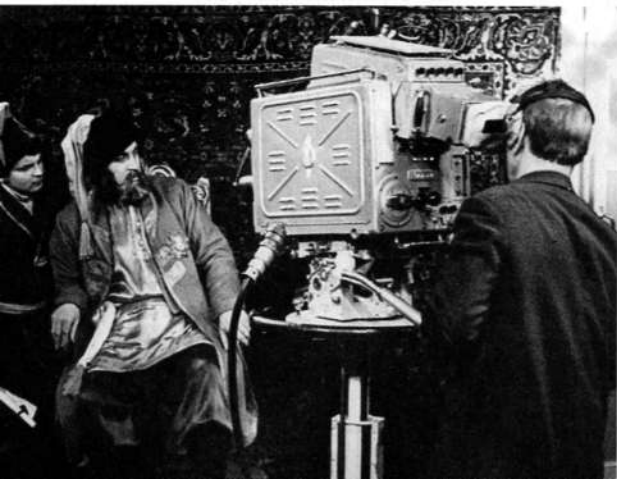
живое, естественное, непредсказуемое... Вот почему ностальгия по «живому» телевидению осталась у многих режиссёров старшего поколения и сегодня.

По этому поводу Джон Уэйн, английский писатель, справедливо, на мой взгляд, заметил: «Я полюбил бы телевидение сильнее, если бы оно было более черновым, если бы постоянно улыбающиеся «телевизионные личности» чаще уступали своё место ведущим-любителям, задающим порой необдуманные вопросы. Будь я уверен, что телевидение честно относится к реальному человеческому материалу, помогая людям жить своей собственной жизнью, и показывает им волнующую сложность мира, не заворачивая буквально всё в маленькие «телевизионные пакеты», я охотно простил бы ему любое количество неуклюжих стыков, технических ляпов, неграмотных кадров и шумовых помех».

Жизнь врасплох... Что может быть сильнее и привлекательнее?

Конечно, бывали и казусы. Вспоминаю, как в середине 1960-х в Оренбург приехал популярный актёр театра и кино, народный артист СССР Евгений Самойлов. Он должен был сыграть в областном драматическом театре главную роль в спектакле «Чти отца своего». В то время было модно приглашать на периферию известных московских актёров, исполняющих те же роли на столичных подмостках. Естественно, телевидение не осталось в стороне и

**Телеспектакль
«Емельян Пугачёв».
В главной роли – В. Антонов**

**«Фронтовики,
наденьте ордена!»**

пригласило знаменитого артиста вечером, по окончании спектакля, выступить в передаче из цикла «У нас в гостях». Были подобраны эпизоды из фильмов, в которых снимался Евгений Валерьянович. Все ждали гостя. Но кто знал, что Самойлов, как говорится, «не найдёт повода не выпить» после спектакля? А сколько в тот вечер приняла его душенька, мы почувствовали во время самой передачи...

Самойлов приехал после спектакля, быстро вошёл в студию, когда начальный титр передачи уже «висел» на экранах телевизоров. «Успел!» – обрадовались мы.

Поначалу всё шло нормально. Евгений Валерьянович бодро произнёс положенные комплименты городу Оренбургу, оренбургским зрителям и конечно же своим коллегам – актёрам Оренбургского драматического, с которыми только что играл в спектакле. Но вот ведущая задала вопрос, как он, Самойлов, стал актёром, и Евгений Валерьянович, как говорится, «растёкся мыслию по древу»: начал пространно и

долго рассказывать о Довженко, рассуждать о луже, в которой никто ничего не видит, а он видит отражение мира, и т. д. Речь его становилась несвязной, он потерял нить разговора и, в конце концов, «поплыл» под мощным жаром телевизионных софитов.

Когда же ведущая попросила его рассказать о съёмках фильма «Герои Шипки», в котором он сыграл генерала Скобелева, Самойлов замахал руками и сказал: «Да был я в этой Болгарии...» Потом стал всё ближе и ближе придвигаться к обаятельной ведущей, готовясь, видимо, заключить её в объятия...

Словом, передачу скомкали, показали отрывки из фильмов, но в финале наш гость уже сказать ничего не смог.

А на следующий день руководство студии было приглашено в обком партии – для объяснений.

В середине 1970-х областное телевидение активно сотрудничает почти со всеми Главными редакциями Центрального телевидения: пропаганды (отдел сельского хозяйства), народного творчества, музыкальной, детской, программ для молодёжи. Эдуард

Диктор Софья Ковалевская

Михайлович Сагалаев, заместитель, а потом и шеф Главной редакции программ для молодежи, постоянно заказывает нам сюжеты в новую программу ЦТ «Адреса молодых».

Участвует студия и во Всесоюзном фестивале молодёжных программ. Этот престижный конкурс проводился раз в два года и всегда в разных городах страны: в Кишинёве, Волгограде, Алма-Ате, Горьком и т. д. И везде наши работы, автором которых была Г. А. Поликарпова, в то время главный редактор студии, отмечались лауреатскими дипломами или призами: «Мы с оренбургской земли» (программа о строителях газового комплекса в Оренбурге), «Пора спелого колоса» (о молодых хлеборобах Оренбуржья), «Отцовское поле» (о Василии Макаровиче Чердинцеве), «Диалоги с Верой Логачёвой» (рассказ о молодом депутате Верховного Совета СССР). Кстати, после показа этого фильма по Центральному телевидению на Логачёву обрушился поток писем. И молодёжная редакция ЦТ

Участники телепередачи «Ветру навстречу»

В обеденный перерыв

придумала и провела передачу: «Почта Веры Логачёвой».

Оренбургское телевидение не только принимало участие в конкурсах, но зачастую и само организовывало их. Так, в середине 1970-х, по инициативе заместителя председателя областного телерадиокомитета Марлена Новохатского, студия становится родоначальником фестиваля передач и фильмов о ГАИ: «Красный, жёлтый, зелёный». Дважды в Оренбург на региональный конкурс съезжались журналисты, режиссёры и автоинспекторы со всего

«Городок-малышок». Справа – актёр Оренбургского театра кукол Виктор Бабиков

СССР. Затем фестиваль стал Всесоюзным и проводился в Свердловске и Москве.

Большое впечатление на участников фестиваля произвела десятиминутная лента, снятая нашей студией «методом провокации»... Вот представьте себе: километров за двадцать от областного центра

стоит на Беляевском тракте грузовик, а его водитель (в отличном исполнении народного артиста СССР С. Г. Ежкова из Оренбургской драмы) с пустым ведром и шангом в руках останавливает проходящие мимо машины, жестами прося отлить ему хоть немного бензина. Картина по тем временам обычная и всем знакомая. Кроме одного: водитель пьян, еле на ногах стоит... Мы же, замаскировавшись в лесопосадке через дорогу, снимаем «скрытой камерой» развитие ситуации: как поведут себя водители в предлагаемых обстоятельствах, дадут или нет бензин пьяному коллеге?

И вот первый же, кто останавливается, не только даёт, но даже помогает

Режиссёр Н. Воеводина перед выходом в эфир детской программы. 1970 г.

нетвёрдо стоящему на ногах шофёру отлить бензин. Но как только он, «выручив» товарища, трогается дальше, как тут же за поворотом, всего через несколько десятков метров, его останавливает сотрудник ГАИ в сопровождении наших журналиста и оператора. Оператор снимает водителя крупным планом, а журналист спрашивает: «Зачем вы дали бензин потенциальному убийце?»

Реакция водителей была разной: «Надо же ему добраться до города»; «Пьяный, конечно, я же вижу, но, думаю, доедет как-нибудь...» И т. д.

Но не все водители оказались столь «сердобольны»: «Как я могу дать ему бензин, когда он еле на ногах стоит?» «Нет, пусть лучше постоит, а то беды не миновать...»

А в финале фильма и сам Ежков выходит «из образа», снимает грим и возмущается: «Я прошёл войну, хорошо знаю, что такое взаимовыручка... Но так же нельзя!»

Студийный «капустник». Крайняя слева – Евдокия Горбанская, рядом с ней – Ольга Стаднюк, в центре – Рудольф Ярохмедов

Тем же способом мы сняли ещё одну ленту, «увесочившую» поведение водителей при виде аварии (авария конечно же была нами инсценирована): в кювете валяется «перевернувшийся» мотоцикл, повсюду разбросаны вещи, лицом вниз неподвижно лежит человек (муляж).

Как ни печально, но большинство водителей равнодушно проезжали мимо (хотя по правилам должны были остановиться и оказать помощь). Потом они оправдывались, что «не заметили», «не видели» и т. д. Но вот когда мы бросили на шоссе небольшой, но дефицитный гаечный ключ, мало кто не остановился, чтобы поднять его... И это тоже фиксировала «скрытая камера».

Детское вещание на областном телевидении всегда отличалось выдумкой, оригинальностью, поиском.

Теледиспут ведёт журналист Евгений Ишков (крайний справа)

Наши передачи «Городок-малышок», «Сколько стоит бесплатно?», «Компас» (автор Ольга Соколова, режиссёр Наталья Крылова) были популярны у юных телезрителей. И на Всероссийских фестивалях программ для детей и юношества мы, как правило, почти всегда занимали призовые места. А в 1994 году в Оренбурге был организован и успешно проведён четвёртый Международный фестиваль программ для детей под названием «Телек».

В начале девяностых прошлого века наша телестудия организовала и на протяжении семи лет вела музыкальную конкурсную программу «А песня русская жива!», участниками которой стали коллективы художественной самодеятельности многих регионов России. За организацию программы её автор Евдокия Горбанская, режиссёр Лилия Филимонова и звукорежиссёр Виталий Долгополов были удостоены почётного зва-

ния «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

В первые же годы своего существования Оренбургское телевидение начало выпускать сатирические программы. Вначале появился «Сатирический журнал», затем передача «Слово народного контролёра – деда Егора» (автор Михаил Свиридов). В студию входил «дед Егор» (актёр Владимир Триандофилов), «вернувшийся» из «очередной командировки», и начинал демонстрировать и комментировать привезённые критические сюжеты.

«Дед Егор» просуществовал на телевидении несколько лет, а затем на смену ему пришла сатирическая программа «Парабола» (автор Евгений Шамардин, режиссёр Юрий Карасевич), которую вели актёры Оренбургского драматического театра. Кроме показа драматических сюжетов, они разыгрывали небольшие миниатюры, сценки из нашей жизни, вскрывая, как тогда говорили, те или иные отдельные недостатки. За что руководству студии отдел пропаганды обкома партии частенько делал замечание, что актёры переигрывают...

Когда же актёры, занятые в «Параболе», покинули наш город, появилась сатирическая программа «Сердитая камера» (автор Павел Рыков). Эта программа просуществовала более длительное время, нежели её предшественницы, и снискала у телезрителей завидную популярность... Здесь вместо человека (актёра или ведущего) в центре студии стояла сама телекамера, которая усилиями режиссёров и операторов выглядела живой и, если так можно

«Оренбургские вечера» (режиссёр Владимир Федотов)

Детская телепередача «Топотушки». 1971 г.

выразиться, одушевлённой: она возмущалась, рычала, удивлялась, негодовала и т. д. и т. п. Но главное преимущество этой программы заключалось в том, что вся она состояла из видеосюжетов, а картинку всегда бывает трудно оспорить...

С появлением во второй половине восьмидесятых годов видеокамер, пусть на первых порах любительских, но позволивших одновременно записывать изображение и звук и сделавших ненужным медлительный и громоздкий «мокрый процесс», функции телевидения резко меняются. Теперь

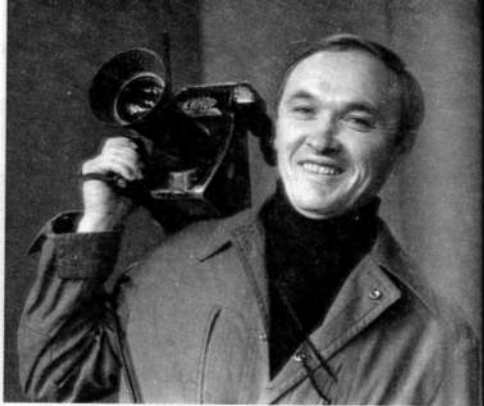

Кинооператор Рафаил Хаялин

оно, в первую очередь, информирует, опережая газетные издания. Сегодня ГТРК «Оренбург» выходит в эфир с новостными программами одиннадцать раз ежедневно, плюс один синдицированный выпуск – в сочетании с сюжетами «Вестей» из Москвы.

Да, информационная роль телевидения становится главной. Хотя и развлекательные программы не на последнем месте. А вот передач просветительского характера заметно поубавилось. Ушли, к сожалению, публицистика, художественные программы, собственные телеспектакли. Не потому, что нечего показывать или некому работать. Просто Москва не стала их финансировать. Главное – новости региона.

Возросла и роль документального кино. Сейчас проводится много телевизионных фестивалей, как российских, так и международных, и ГТРК «Оренбург» выступает на них весьма успешно. Подтверждением тому – кабинет директора компании Павла Рыкова, стены которого буквально сплошь увешаны множеством дипломов и грамот.

Успешно выступает ГТРК на Всероссийском конкурсе «Патриот России» в Москве, ежегодном «Щите России», который проходит в Перми, международном экологическом фестивале в Ханты-Мансийске, фестивалях «Православие на телевидении», «Моя провинция» и других. Телерадиокомпания награждена орденом «Слава нации» – за «благородство помыслов и беззаветное служение идеалам добра и милосердия». Почётным дипломом отмечен на фестивале «Щит России» цикл фильмов «Я хотел победить», «Прокофьево поле» (автор Светлана Губернская), «Хроники именного истребителя» (автор Евгений Вовк). Многие докумен-

тальные фильмы студии становились лауреатами самых престижных телефестивалей, показывались по Центральному телевидению: «Казак из Вязовки» и «Страна Совета» (автор Оксана Невечера), «Мы живём на границе» (автор Елена Ерофеева).

В информацию пришла молодёжь, в основном выпускники факультета журналистики Оренбургского государственного

Инесса Астраханцева,
Лилия Фильмонова,
Надежда Грот
и Юрий Карасевич

Телепередача «Землячка». Март 1982 г.

бывшие и действующие депутаты, министры, дети русских эмигрантов... И все смотрят выступление фольклорного ансамбля из России, из Оренбурга, из тамошнего музыкального колледжа института искусств имени Леопольда и Мстислава Ростроповичей. Старинные народные песни – русские и украинские, крестьянские и казачьи – покорили сердца французов. А когда «закружили хоровод», юные артисты – как мы и условились с ними раньше – втянули в него и самого Дрюона. Элегантный стройный красавец, которому никак не дашь его восьмидесяти шести лет, весело танцевал в хороводе с русскими девушками. Потом сказал, что женился бы на любой, если бы не его возраст...

Французский романист, писатель с мировым именем Морис Дрюон, известный в России по остросюжетным историческим произведениям, побывал на родине своих предков в Орен-

университета. Елена Ерофеева, Андрей Ивлев, Елена Черных, Полина Горбатовская работают наравне с такими «закалёнными» телевизионщиками, как Андрей Федосов, Светлана Губернская, Оксана Невечера, Ольга Фомина.

Мне посчастливилось вместе с оператором Рафаилом Хаялиным, заслуженным работником культуры Российской Федерации, снять ряд фильмов о нашем крае: «Бузулукский бор», «Песнь сурка», «Чёрным по зелёному», «Оренбургский пуховый платок», «Хлеб да соль», «Море в степи», «Я возвращаюсь в Оренбург. Морис Дрюон» и др. «Бузулукский бор» получил Золотую Нику, «Песнь сурка» и «Чёрным по зелёному» – Серебряную гагару, другие стали призёрами различных фестивалей и конкурсов.

О фильме «Я возвращаюсь в Оренбург...» хочу рассказать подробнее...

Южная Франция, свежее дыхание Атлантики, ухоженные виноградники... И среди этого великолепия – имение Мориса Дрюона... На летней веранде – около сотни гостей:

Главный режиссёр
Оренбургского театра
кукол Р. Б. Ренц на
«Голубом огоньке»

Телеоператор
Виктор Сырцов (в центре)
и режиссёр
Татьяна Кондаурова

бургских предков. И прежде, чем покинуть этот мир, я совершаю своего рода паломничество», – писал после посещения Оренбурга Морис Дрюон во французском еженедельнике «Фигаро».

В Оренбурге Дрюон с особым волнением осмотрел дом, в котором жил его прадед: купец первой

гильдии Антон Леск. Он посетил институт искусств, встретился с творческой молодёжью города, побывал в Чёрном Отроге, на родине Виктора Степановича Черномырдина, который, кстати, и доставил его из Франции вместе с супругой Мадлен. В Черноотрожской средней школе Дрюон был покорён исполнением песен на французском языке, – они и послужили для нас монтажным переходом во Францию. Песни ещё звучали, но в кадре уже был Бордо, его великолепная набережная

Коллектив Оренбургской телестудии. 1971 г.

бурге. В нашем городе родился его отец, занимались торговлей и медицинской его деды и прадеды, и они же открыли здесь одну из первых музыкальных школ в Оренбурге. В Оренбурге провёл детство дядя Мориса Дрюона – Жозеф, который рассказывал своему племяннику о замечательных в то время базарах, сутолоке торгового Менового двора, о бесконечных караванах верблюдов с товарами... «Всё, о чём рассказывал мне дядя Жозеф, оказалось реальностью. Я очарован, сражён и навсегда покорён красотой этого города. Здесь мои корни, в моих венах течёт часть крови моих орен-

«Сердитая камера» и её создатели

сограждан к истории, к прошлому, когда политики, в зависимости от ситуации, меняют условия жизни... Условия меняются, а характеры остаются одни и те же...

Дрюон закурил сигару, откинулся на спинку кресла и повернул к нам фотографию, которой явно гордился. На ней он

со стороны семнадцатирочного моста над широкой Гаронной.

Бордо – пятый по величине город Франции, крупный морской порт, одна из мировых столиц марочных вин, город студентов. Большая часть зданий с роскошными лестницами и портиками относится к эпохе Людовика XV... Сорок минут езды – и мы в имении Дрюона. Писатель приглашает нас в просторный рабочий кабинет, где написаны десятки книг; в том числе и самая известная в России – «Проклятые короли».

– В России хорошо знают ваших «Проклятых королей». Почему вы обратились именно к историческому роману? – задаю я вопрос, который меня давно занимал.

– Меня интересует феномен власти. С любой точки зрения: философской, социальной, гуманитарной. А средневековые Франция я выбрал потому, что в то время борьба за власть была наиболее ярко выражена. Это целая серия драм с удивительными характерами. Я хотел привлечь внимание

запечатлён с Владимиром Путиным, который во время одного из визитов во Францию посетил известного писателя в его доме.

– Если вы хотите спросить о моём отношении к президенту Путину, – словно угадывая наши мысли, сказал Дрюон, – то я скажу, что он патриот своей страны и хочет улучшить жизнь людей. Мне кажется, что мы с ним придерживаемся одной и той же философии. Наверное, поэтому между нами установились отношения, которыми я горд и доволен.

Дрюон помолчал, а затем с улыбкой добавил:

– А ещё Путин любит лошадей, я их тоже очень люблю!

**Передача из Перми
«Двадцать четыре вопроса
о Каменном поясе»**

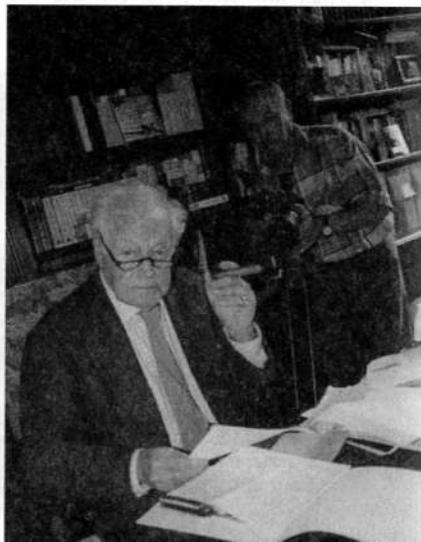
«От всей души».
Передачу из Оренбурга
ведёт Валентина
Леонтьева. 1986 г.

территории, географическом положении, многочисленности народов, об истории, нет больше в мире. Она должна стать великой державой. То, что пережил российский народ, не испытала ни одна страна. Считаю, что надо всегда учитывать всё, что было в истории, строить свою современ-

ную политику, опираясь на опыт прошлого.

Я всегда знал и любил Россию, и считаю, что если у Франции и России будут и дальше развиваться хорошие отношения, то во всём мире будет мир. А это самое важное.

В девяностые годы создаются новые телевизионные каналы. Так, внутри областного телевидения, прежде «единого и неделимого», зарождается «Регион», который вскоре становится

Морис Дрюон в своём кабинете

Мы убедились в этом сами, когда Дрюон демонстрировал перед нами тонкости верховой езды.

— У меня, — пояснил писатель, — есть хороший пример: Лев Николаевич Толстой. Он ведь до восьмидесяти лет ездил верхом! Я даже вспоминаю его, когда седлаю коня... Вообще у меня в жизни всегда идёт параллель с Толстым.

Спешившись, Дрюон, как и положено, угостил своего верного друга кусочком сахара. Перепало и другим лошадям. Интересно, что Дрюон обращался к ним на чисто русском языке: «Иди сюда!» И они шли к нему, принимая из его рук угощение.

— Сейчас я работаю над мемуарами, — сказал писатель. — Наверняка коснусь и Оренбурга, ведь тут мои корни... Надеюсь, Бог даст мне ещё немного времени, чтобы закончить эту работу.

На прощание мы сфотографировались на память об этой незабываемой встрече. Господин Дрюон с супругой подняли бокалы и предложили выпить за оренбуржцев, за Россию.

— Каким же вы видите будущее России? — спросил я Дрюона.

— Я думаю, что такой богатой страны, как Россия, если говорить о её

самостоятельной структурой с интересным творческим коллективом. Затем появляются «Планета», «Орен-ТВ»... А сегодня в области насчитывается уже двадцать три студии телевидения, имеющие лицензии на вещание. Они есть в Оренбурге и Орске, Новотроицке и Бузулуке, Сорочинске и Кувандыке, Саракташе, Тюльгане, Шарлыкe, в других районах Оренбуржья.

И это хорошо. Хорошо, когда телевидения много и зритель сам выбирает, что ему смотреть. К тому же у каждого журналиста свой взгляд на то или иное событие, своя манера подачи видеоматериала.

И почти во всех значительных телевизионных структурах работают наши бывшие сотрудники: журналисты, режиссёры, операторы. Так что мы, помимо всего прочего, и своего

рода кузница кадров для телестудий области.

Телевидение как ни одно другое искусство зависит от техники — её уровня, развития, качества. За сорок шесть лет существования первого телецентра в нашей области мы прошли путь от простого показа фотографий и «мокрого процесса» (проявления и монтажа киноплёнки) до съёмок на цифровые видеокамеры и компьютерного монтажа. Сейчас на Центральном телевидении снимают не только на кассеты, а и на диски, и сразу же с диска монтируют на компьютере.

Вот так меняется телевизионная техника, и предсказать, как будет развиваться в связи с этим искусство телевизионного экрана, непросто.

Но это уже другая история...

Фотограф Владимир Верстукоев.
Это его снимки воссоздали для вас
историю телевидения в Оренбурге

Советник японского посла
господин Накамура
на выставке работ
Владимира Соколова.
Японский центр
Оренбургского
государственного
университета, 2006 г.

могут оказаться творчески удачными. Если говорить о правде жизни.

– Особенность жанра репортажной фотографии в том, что я сам определяю, какой миг наиболее полно, ярко и точно, наиболее выразительно раскроет событие, – считает Владимир. – Иногда включённость сознания способна превратить в аллереорию

даже обычный репортажный снимок. Например, я до сих пор не могу убедить некоторых скептиков, что работа «Мессия», где Черномырдин снят на фоне лика Иисуса Христа, это просто запечатлённое мгновение, а никак не компьютерный монтаж. Просто нужно было поймать момент, увидеть, оценить и зафиксировать...

Наверное, в отличие от фоторепортажа, создание художественных образов, аллереорию – это диалог с самим собой. Диалог, который длится всю жизнь. Потому что мыслящий человек обязательно должен переосмысливать своё прошлое и настоящее, свои поступки, мысли и чувства. Очень часто по реакции людей на фотографию понимаешь, какой они видят жизнь. Некоторые не приемлют полутонов, выбирая между чёрным и белым. А она не белая, не чёрная и даже не серая. Все оттенки присутствуют в ней, все аспекты бытия претендуют на истину одновременно. И задача фотохудожника – объективно представить все версии, не исказив при этом самой истины.

Последний из рода Жушкина

Григорий Григорьевич Жушкин, предпоследний, Александр Сергеевич

2004 г.

Тревожный август 1991 года